

Александр Тихонов

Я — СТАЛКЕР
СИНДРОМ ГЕРОЯ

Апокалипсис-СТ

Александр Тихонов

Я – сталкер. Синдром героя

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тихонов А. А.

Я – сталкер. Синдром героя / А. А. Тихонов — «АСТ»,
2017 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-104083-3

В Аномальной Зоне начинают пропадать одинокие сталкеры и небольшие рейдовые группы. Узнав, что за нападениями стоит секта каннибалов «Ветер», военные обращаются за помощью к легендарному сталкеру Монголу. Вместе с группой опытных бойцов он должен пробраться в лагерь сектантов и уничтожить выродков. В теории все просто, ведь героям сопутствует мистическая «сталкерская удача». Отправляясь в путь, они еще не знают, что идут навстречу пугающим испытаниям. Герои всегда платят самую страшную цену. Такова Зона. Такова жизнь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104083-3

© Тихонов А. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Часть первая. Время героев	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Тихонов

Я – сталкер. Синдром героя

© А. Тихонов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть первая. Время героев

Глава 1

Годом ранее. 31 декабря; 22:15. Территория Пустыря

Прожектор, размещенный на крыше основного корпуса блокпоста, слегка качнулся, вырвал из тьмы заснеженный пейзаж ночи и снова замер в прежнем положении. Взвыл, словно раненый зверь, ветер, и Зона встрепенулась.

Они двигались со стороны Свалки – две химеры. Грациозно ступая по заснеженной тропе, мутанты выбирали лучший маршрут. Обогнули одну аномалию, вторую.

У небольшого озерца одна из химер – та, что была старше, замерла, аккуратно ступила на тонкий лед и недовольно заурчала.

Второй мутант – её детеныш крутился рядом. Он то и дело касался блестящим черным носом выглядывающих из-под снега травинок. С фырчаньем отступал назад, дожидаясь, пока мать разрешит продолжить путь.

Химера-мать медлила. Сначала она наступила одной лапой, потом перенесла вперед весь вес тела, и только удостоверившись, что лед достаточно крепок, прошла по нему.

Озерцо было небольшим – от силы сто на сто метров. Слева – развалины заводского комплекса, справа – аномальные поля. Как рассудил мудрый зверь, соваться в здания было рискованно, поскольку двуногие существа, называемые людьми, устраивали свои лежки именно там. А встретить стаю людей ей совсем не хотелось. Идти через аномальные поля по глубокому снегу тоже было опасно. Не тратить же время на обходной путь...

Лед хрустнул. Недовольно заурчав, химера остановилась и прижала голову к холодной поверхности, останавливая этим жестом своего отпрыска.

Молодой химерыш послушно остановился на берегу.

Химера-мать аккуратно сместилась в сторону и тут же замерла, глядя, как из небольшой трещины на лед начинает сочиться вода.

Осторожно, стараясь удержать равновесие, двинулась дальше. Боковым зрением она все еще наблюдала за трещиной во льду, готовясь в любой момент отпрыгнуть в сторону.

Шаг, другой...

Справа от мутанта из-под льда торчали металлические конструкции, вокруг которых всё еще оставались лужицы не замерзшей воды.

При каждом новом шаге зверя из этих лужиц на лед выплескивалась холодная жидкость.

Химера шагнула вновь, не удержалась. Её левая лапа скользнула в сторону, и грузное тело опрокинулось.

Хрустнул казавшийся до этого момента прочным панцирь, сковывающий озеро, и через мгновение мутант уже барахтался в холодной воде меж осколков льда.

С визгом химера цеплялась когтями за льдины, но те лишь переворачивались, не давая возможности спастись.

Еще один рывок...

Только теперь зверь осознал, насколько болезненным было падение. Мощные задние лапы отказывались двигаться, и массивное тело все быстрее и быстрее тянуло ко дну. Черная, как смоль, шерсть намокла...

Безумным взглядом химера обвела озеро и замершую на берегу фигурку своего детеныша. Вскинула правую лапу, предпринимая отчаянную попытку зацепиться за лед, и скрылась под водой...

Молодой мутант наблюдал за происходящим с берега. Как и мать, плавать он не умел и к тому же, подобно всем химерам, боялся холода. Он помнил, как мать учила его и братьев греть друг друга своими телами и тушами убитых животных, чтобы не замерзнуть зимними ночами.

Зверь подался вперед, подставляя морду свирепому ветру, вгляделся в зияющий посреди озера провал, еще раз взвыл, зовя мать, но ответа не последовало.

На миг ему показалось, что это он провалился в черную, холодную бездну и не может выбраться, оставшись в одиночестве.

Запрокинув голову, химерыш жалобно заскулил, по привычке ожидая ответа от сородичей, но смог расслышать лишь далекие голоса существ, называвших себя людьми.

Как же холодно и страшно...

Он ринулся на лед, пренебрегая всем, чему его учила мать, и провалился у самого берега. Весь мокрый, выбрался на обледенелый склон, обрамленный сухим ковылем, и замер, стараясь не двигаться.

Он ждал... В глубине звериной души надеялся, что мать жива, что вот сейчас она позовет его с другого берега озера, поведаст, что нашла тропу, что знает, как прокормить его этой холодной зимой.

Хозяйка-Зона забрала её, как забрала отца, сестру и братьев. Это она, Зона, оставила их умирать голодной смертью у Энергопоста...

Она...

Снова вой, похожий скорее не на призыв мутанта, а на всхлипы человеческого детеныша.

Но что он мог сделать?...

Почему-то именно сейчас молодому зверю вспомнился отец – огромный мутант, сильный, как тысячи двуногих существ. Промелькнула перед глазами картина боя.

Люди... Люди пришли за отцом, чтобы убить его. Люди устроили охоту...

Пришли по снегу, против ветра...

Молодой химерыш помнил, как люди подобрались к логову, как закинули в лежку три гранаты и как расстреливали его братьев и сестер, пытавшихся спастись...

Отец не успел научить своих детенышей охотиться. Ему просто не позволили выжить...

Мутант вновь запрокинул лохматую голову и завыл – протяжно, звонко. Со стороны Рубежа таким же скорбным воем отозвалась служебная овчарка...

...Когда их логово было расстреляно людьми, химера-мать повела оставшихся в живых детенышей на окраины Пустыря, где еще можно было прокормиться без поддержки вожака стаи. По пути погибли двое из троих, попав в аномалии, и тогда мать приняла единственно правильное решение – попытать счастья за бетонной стеной, называемой Рубежом. Там, во внешнем мире, всегда есть шанс найти себе пропитание...

Химерыш едва заметно дернулся. Тело уже сковало холодом, и он перестал чувствовать передние лапы. Встрепенулся, стряхивая снег, и побрел в сторону старого заводского комплекса, оставляя позади мертвое, черное озеро с обманчиво прочным льдом...

...Мать знала, что будет сложно. Без помощи собратьев-мутантов, по своей воле идти навстречу людям было равносильно самоубийству, но мудрый зверь понимал, что от этого выбора зависит, выживет ли его единственный ребенок – наследник, продолжатель рода и будущий вожак стаи. Мать знала, что сейчас необходимо выбираться за Рубеж и ждать, пока минуют холода. Знала...

Кто бы мог подумать, что четвероногий мутант, которого люди всегда принимали за огромную пантеру, способен понимать людскую речь...

А она понимала. Еще будучи детенышем, подкрадывалась к блокпостам и слушала причудливые реплики людей, различала интонации, настроения. Она и не заметила, когда начала разбирать человеческую речь так, будто сама когда-то была человеком...

Эта странная, пугающая способность помогала ей охотиться, а когда образовалась стая, она начала учить своих детенышей языку людей. Сородичи этого не понимали – просто не могли понять, как можно изучить совершенно чуждый язык... Язык самого страшного существа – человека...

Химера поняла, что нужно делать, когда двое её детенышей погибли в аномалиях при переходе с Барахолки на Пустырь. План родился сам собой – нужно дожждаться времени, которое люди называют «Новым годом», и перебраться через Рубеж в тот момент, когда никто не будет готов выстрелить вслепую. У двуногих будет праздник, и этим можно воспользоваться...

Молодой мутант тоже это осознал. Одиноким, испуганным, он все еще пытался принять верное решение. Мать знала, что делать, и он справится... Справится, ведь неспроста двуногие так боялись его отца! Ведь неспроста эти... эти люди...

Химерыш замер. Со стороны комплекса в его направлении двигался отряд из четырех человек. Они шли в сторону Рубежа, подобно вышедшей на охоту стае, в прочных панцирях, со странными палками, которые двуногие называли винтовками.

Нелепые существа...

В чернильной тьме разглядеть что-то обычному человеку было бы не под силу, даже и новомодная оптика наверняка бы не помогла, а вот глаза химеры оказались отлично приспособлены к темноте. Зверь залег за остов экскаватора, пропустил людей и только после этого продолжил путь.

К Рубежу, только туда...

Дождаться человеческого праздника и выбраться во внешний мир...

Только бы мать оказалась права...

Только бы...

* * *

31 декабря; 22:17. Территория Пустыря. Недалеко от Рубежа

– Расклад такой. – Командир отряда «Легиона» развернул на снегу тетрадный листок, испещренный символами. – Кумач с тремя бойцами будет прикрывать нас со стороны Долины, с тыла. Мы выдвигаемся прямо к блокпосту, валим часовых. Мой человек на территории блокпоста сообщил, что дежурить остались салажата, так что справиться с ними будет несложно. Дальше по схеме – «снимаем» снайпера с вышки и из РПГ – по главному зданию. Живых не оставлять. Наша задача – акция устрашения. Всё ясно?

– Время готовности?

– Начнем в полночь. Фокус, ты краску взял?

– Взял, – один из бойцов кивнул.

– Значит, пока мы контролируем блокпост, Фокус пишет послание на стене основного корпуса. Прикрывать его будет Рихтер. Всё ясно?

Бойцы закивали.

– Ну, вот и славно. Выдвигаемся, братья. Да поможет нам Зона!

Лидер группы поднялся с колен, сунул за пазуху листок с планом и кивнул в сторону Рубежа.

Холодный ночной ветер донес до него ответный знак Зоны – вой химеры.

* * *

31 декабря; 22:57. Одиннадцатый блокпост Рубежа

Сначала их было тринадцать – блокпостов, расположенных вдоль линии Рубежа.

Тринадцать братских могил...

А годом ранее мутанты уничтожили десять блокпостов, миновали заградительные линии, минное поле, автостраду и ворвались в расположенный у границы Зоны городок Надеждинск. Сотни погибших, полторы тысячи раненых...

В Зону, названную с подачи «Вашингтон пост» адом на Земле, начали стекаться толпы журналистов в поисках эксклюзивного материала. Многие из них гибли...

Началось служебное расследование, в ходе которого был отстранен от должности замглавы Международной службы контроля за Зоной, и его место занял генерал-майор Константин Заречный. Не прошло и двух недель, как неповоротливую службу контроля за Зоной переподчинили Министерству обороны России и переименовали в Рубеж.

– Вы огородили Зону забором и думаете, что тем самым отгородились от проблем, связанных с ней?! – кричал Заречный на пресс-конференции. – Ничего подобного! Необходимо срочно восстановить все блокпосты на территории Рубежа, оснастить их современными средствами вооружения и разместить там боевые подразделения. Без этого я не вижу возможности противостоять угрозе из Зоны.

И началось строительство. За два месяца на месте сплошной бетонной стены и минных полей были построены десятки блокпостов. Появились подразделения военных сталкеров...

– Что мы можем противопоставить чудовищам Зоны? – вопрошал Заречный. – Автоматизированные пулеметы, километры минных полей или высокий забор, через который, как мы надеемся, эта нечисть не перепрыгнет? Нет! Мы должны противопоставить этим существам вооруженных людей, которые будут одинаково эффективно сдерживать натиск мутантов и бороться со сталкерством. Таким я вижу будущее Рубежа...

Будущее...

Командир блокпоста, майор Шифрин, дотронулся до рации:

– «Одиннадцатый» – «Брату», прием... «Брат», всё спокойно.

Очередной сеанс связи...

Как же надоел этот тотальный контроль со стороны командования. Боятся генералы, что в честь праздника бойцы напьются и начнут палить из пулеметов в сторону Надеждинска. Ну, как дети, честное слово...

– По данным разведки, на территории седьмого квадрата замечен отряд сталкеров.

– Севернее нас? – майор сглотнул.

– Да. Четыре человека. Вооружены. Возможна попытка прорыва через ваш блокпост.

– Вас понял, «Брат».

– Необходимо увеличить численность часовых и довести до всех бойцов информацию о возможности прорыва. Конец связи, «одиннадцатый»...

В рации что-то пискнуло, и на небольшом дисплее цифрового устройства высветилась надпись «Сеанс связи завершен. Защищенный канал 239172».

– Вот и здорово, – майор глубоко вздохнул. – Прорыв... На Новый год прорыв устроить...

Вспотевшими руками он провел по волосам, захлопал по карманам в поисках сигарет, сел на край стола.

– Зинченко ко мне! Вот ведь напасть – не одно, так другое.

Командиру блокпоста вспомнилась дождливая осень уходящего года... Последний прорыв. Тогда он потерял половину своих бойцов – девять человек...

И ведь как глупо погибли ребята... Пришло сообщение об активности бандформирований на территории Пустыря, но никто и слушать не стал. Не верили ни сам Шифрин, ни его подчиненные, что уголовники способны атаковать блокпост. Зачем, спрашивается, им это надо? Но ведь атаковали...

– Товарищ майор, капитана Зинченко нет на месте, – голос часового вывел Шифрина из ступора.

– А где он, мать твою?!

– Так вы же сами его послали... – часовая неопределенно мотнул головой. – В «Пьяного мутанта»...

– Ну да, «Пьяный мутант»... – майор кивнул. – Кто из офицеров на месте?

– Старшина Демьяненко.

– Зови.

* * *

31 декабря; 23:00. Территория Пустыря. Недалеко от Рубежа

Зона вела его. Казалось, коварная хозяйка сама указывала путь молодому мутанту. Как будто она раскаялась, поняла, что напрасно погубила одну химеру и оставила умирать под пронизывающим ветром другую.

Зона пыталась искупить свои грехи, вот только молодому зверю, бредущему сквозь буран, это было неведомо. Он рвался туда, куда не смогла довести его мать. За Рубеж...

Там еда, там нет аномалий, там можно выжить...

Химерыш продрог. Облепленный сырым снегом, он едва передвигал лапы. Делал шаг, но ветер тут же бросал ему навстречу веер острых льдинок.

И всё же Зона его вела.

Мутант осознал это, когда в метре перед ним разрядилась аномалия. Казалось, Зона указывала путь...

Но всё еще ревел неподвластный воле «хозяйки» ветер. С завидным упорством хлестал он продрогшее существо – снова и снова... снова и снова...

С остервенением трепал черную шерсть и вместе с тем доносил со стороны Рубежа гул автомобильного двигателя.

Потом захрустел снег совсем рядом, послышались голоса. Отпрыгнув в сторону, испуганный химерыш затаился, совершенно забыв о свирепом ветре.

Говорившие приближались. Вскоре на фоне разрушенного заводского комплекса возникли четыре фигуры – те самые двуногие, с которыми молодой мутант разминулся около часа назад.

– Кумач, глянь сюда, – один из ведомых остановился.

– Чего там? – проводник обернулся к группе.

– Следы химеры, брат.

– Они в глубине Зоны водятся. Здесь жить не могут, – сказал, как отрезал, командир.

– Но следы ведь...

– Это Зона показывает нам путь, брат.

Командир группы, которого ведомые называли Кумачом, явно торопился. Как и мутант, рвался в сторону Рубежа, тоже во что бы то ни стало стремился оказаться у бетонной стены, когда наступит полночь...

– Обрываются... – ведомый указал на цепочку следов, заметаемую снегом. – Следы обрываются.

– Значит, Зона не хочет, чтобы мы попусту болтали. Быстрее, братья, у нас мало времени!

Кумач махнул остальным, и группа продолжила движение...

* * *

31 декабря; 23:14. Одиннадцатый блокпост Рубежа

– Двое у пулемета, снайпер на вышке, еще двое – на первом этаже, у окон. Да не переживай ты так, Петрович, всё в порядке будет.

– Ты Вовку Коломейца помнишь? – Шифрин затушил очередную сигарету и теперь рассматривал пепельницу, будто боясь отвести от неё взгляд и увидеть лицо своего собеседника.

– Помню, – буркнул Демьяненко.

– Вот и я помню, Серёжа... И я помню.

Майор перевел взгляд на рацию, потом оглядел пустую сигаретную пачку.

– И в ДОТ еще одного с пулеметом посади... – наконец проговорил он. – Непокойно у меня на душе, ох непокойно. Командир про сталкеров мне говорит, а ощущение такое, будто всем нам приговор зачитывает...

– А когда теперь сеанс связи?

– После полуночи. Поздравлять будут начальнички. – Шифрин усмехнулся. – И чтобы всех предупредил. Ясно?

– Предупрежу. Да не волнуйся ты так. Нормально всё будет. Зинченко сейчас продуктов привезет, опрокинешь сто грамм...

– Никакого спиртного! – оборвал реплику подчиненного командир блокпоста. – Не пить! Это приказ!.. Ладно, иди...

Старшина кивнул, вышел из кабинета и плотно закрыл за собой дверь. За время короткого разговора с командиром и ему передалось беспокойство. Не беспокойство даже, а панический страх. Казалось бы, сколько таких предупреждений бывает каждый день. Ну, появились сталкеры севернее блокпоста, и что? Вот стихнет буран, и над квадратом пройдут вертушки. «Выкосят» и сталкеров, и мутантов...

Да только вертушки поднимать раньше третьего января не будут. И буря эта. Чёрт, может, и впрямь кто-нибудь решит воспользоваться в новогоднюю ночь шансом выбраться за Рубеж...

Может. А может, и не может. Хватит себя накручивать!

«Я же не Коля Шифрин», – Демьяненко глубоко вздохнул и зашагал по коридору.

Еще одного – в ДОТ... Надо бы туда двоих посадить... опытных...

Старшина ускорил шаг. Промчался мимо «оружейки», завернул за угол, спустился по лестнице. На ходу крикнул караульному, чтобы «трубил сбор», и двинулся в основной зал.

Демьяненко всегда удивляла планировка основного корпуса блокпоста: множество маленьких комнатенок на втором этаже и огромный зал – на первом. Зачем? Ведь не банкеты же проводить? Ведь не «Пепел» же, в конце-то концов, тут собираться будет.

А столы уже подготовили к празднику. Он оглядел их, расставленные в центре зала, накрытые скатертями, потом подошел к «изрыгающему помехи» телевизору и покрутил «усы» комнатной антенны. На экране проявилось изображение, сквозь шумы пробилась мелодия «Карнавальная ночи».

– Мир празднует... – Демьяненко усмехнулся, отключил телевизор и погрузился в раздумья.

Ему вспомнился друг детства Вовка Коломейц, с которым они когда-то вместе учились в школе, вместе служили в десанте под командованием тогда еще старлея Шифрина. Помнится, когда в их размеренную гражданскую жизнь ворвался Николай Петрович, армейский командир, Вовка радовался, как маленький ребенок. Всё твердил, что если командир позовет обратно на Кавказ, без раздумий согласится.

Командир позвал в Надеждинск... А потом – и на блокпост...

– ...Серёжа, а медали его теперь заберут?... – зазвучал в голове голос матери покойного друга...

– Нет, Лидия Михайловна, медали останутся у вас...

Молча Демьяненко и Шифрин садились на грузовой «Руслан», молча шли по заливаемым дождем улицам Ярославля в поисках нужного дома.

– Ну, чего ты молчишь?! – не выдержал тогда Шифрин. – Думаешь, мне легче ей в глаза смотреть?! Думаешь, мне не больно говорить его матери, что сын её единственный теперь «двухсотый» – из-за ублюдков-недомерков, решивших повоевать?! Это ты одного «двухсотого» сопровождаешь, а у меня их таких еще восемь человек!

А потом был разговор с матерью Вовки... Разговор, который врезался в память Демьяненко, словно пуля в тело жертвы...

– ...Медали теперь заберут? ...а у Вовчика еще такой орден был – Героя России, так он его с собой брал на службу.

Старшина ударил кулаком по столу. Мир празднует. Чёртовы зажавшиеся подонки в строгих пиджаках, при галстуках. Им неизвестно, что здесь, всего лишь в нескольких километрах от их блистающих столиц, идет настоящая война с настоящими жертвами. Им невдомек, что, пока они меняют на биржах доллары и евро, тут гибнут люди. Привыкли, что их дети отдыхают на Мальте и Кипре, а чужие гибнут!.. Твари, сволочи! И Шифрин ничуть не лучше. Он ведь тогда даже не сообщил, что вблизи блокпоста замечены сталкеры из группировки Гриши Боровика. Ни словом не обмолвился. Поэтому осенью было так много жертв. Но сейчас это не должно повториться!

Демьяненко глубоко вздохнул, восстанавливая дыхание, поглядел в сторону коридора, где уже появились солдаты.

– Всем строиться, – произнес он. – Слушайте приказ командира.

* * *

31 декабря; 23:39. Территория Пустыря. Недалеко от одиннадцатого блокпоста

– Курят, – тихо произнес командир «легионеров», указывая в сторону блокпоста. – Забыли устав. Ну, да мы напомним...

– Вольт, я тут подумал... – один из бойцов поравнялся с командиром. – Ты говоришь, что у тебя там свой человек, но отдаешь приказ на зачистку. Не жалко? Мы ведь даже не знаем, кто он и верен ли он Матери-Зоне.

– Раб сиюминутных желаний. Ничтожество, коих тысячами губит Великая Матерь. Вот кто он такой. Из-за денег этот человек помогает нам, а значит, и он должен быть убит. Своими действиями он послужит Зоне, но сущность его не способна измениться и познать волю Матери. Готовьтесь, скоро начнем.

– Я не о том, – сталкер отрицательно мотнул головой. – Я про то, что тебе известен этот военный, но ведь «волчьи правила» запрещают...

– Я помню «волчьи правила», – «легионер» скривился. – Помню и не нарушаю. С военным общался не я, а Кумач, тем самым искупая свою трусость перед Матерью-Зоной... Так, внимание, на территорию блокпоста въехала машина. Приготовиться! Рихтер, Фокус, ждите команды...

* * *

31 декабря; 23:39. Одиннадцатый блокпост Рубежа

УАЗ въехал на территорию блокпоста со стороны «внешнего мира». Двое часовых с трудом отворили ворота, попутно разгребая снег, а когда машина оказалась во дворе, вернули створки в прежнее положение.

– Не закрывайте, – выкрикнул, выглядывая из УАЗа, капитан Зинченко. – Я еще в город часа через два поеду. А то наметет, и не выберемся потом. Пусть ворота открыты будут.

Бойцы закивали и принялись вновь раздвигать металлические створки.

УАЗ тем временем остановился на расчищенном асфальтовом пятачке перед основным корпусом, и капитан, кряхтя, выбрался из салона. Тут же принялся застегивать куртку, полез в машину за шапкой.

– Холод-то какой... – Водрузив головной убор поверх лысины, офицер глубоко вздохнул и огляделся.

Уезжал он в Надеждинск за час до полудня, и за время его отсутствия блокпост неуловимо изменился. Изменилась погода, изменилось количество часовых. Хотя погода не имеет к блокпосту отношения. Это чертова Зона замечает снегом линию Рубежа. И ведь всего в трех километрах западнее никакой бури нет, а здесь ни черта в пятидесяти метрах перед собой разглядеть не удастся. Зона, мать её... мать её планета Земля...

А вот почему больше часовых? Те, что открывали ворота, вообще не должны в карауле быть, а они вон, у ДОТа стоят...

Да и на основном посту не один часовой, как обычно, а двое.

Капитан поднял воротник куртки и двинулся в сторону вагончика, около которого замерли двое часовых. При виде Зинченко оба вытянулись по стойке «смирно», козырнули офицеру.

– Чего вы снаружи забыли? – капитан потер замерзшие руки.

– Приказ, – один из бойцов поморщился. – До наступления праздника пост не покидать, глядеть в оба.

– В оба... Ну, раз так, один пусть остается здесь, а ты со мной пойдешь – надо ящики с провиантом разгрузить.

Капитан кивнул в сторону УАЗа и, не дожидаясь, пока выбранный для этой работы боец отреагирует, двинулся к машине. Рядовой, явно обрадованный тем, что появилась возможность немного размяться, семенил следом.

– Я тебе ящики буду давать, а ты их на кухню к Ищуку таскай. Понял? Думаю, понял. Ищуку скажи, чтобы столы ставил в центре зала, иначе будет как в прошлом году, когда пришлось спиной к телевизору сидеть. Телевизор-то хоть работает?

– Плохо... Буря ведь, товарищ капитан...

– Да, буря... Будь она неладна, эта буря.

Поравнявшись с машиной, офицер открыл багажник УАЗа и оглядел его содержимое. Ящики, коробки, кульки, кастрюли – чего здесь только не было.

– Мы не живем для того, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить, – произнес капитан Зинченко. – Философ, что ни говори, был умный мужик, раз такое сказал. На вот, держи.

Ящик шампанского переключал в руки часового.

– За коробками кого-нибудь пришли, иначе весь наш салат так в багажнике и замерзнет. Зинченко развернулся к машине, достал из УАЗа очередной ящик, на этот раз перемотанный скотчем, глубоко вдохнул.

Мороз-то какой...

– Шевелись, боец! – крикнул он вслед часовому.

Поставив ящик на снег, капитан принялся вынимать из салона автомобиля завернутые в полотенца кастрюли.

Немного помедлив, всё же опустил кастрюли на снег и оглядел переминающегося с ноги на ногу часового, который остался у вагончика.

– Откуда такое богатство?

Капитан обернулся. Перед ним, ухмыляясь, стоял сержант Григорьев, которого все обитатели блокпоста шутливо нарекли Костиком. Костя Григорьев...

– Товарищ капитан, из поселка?

– А? – Зинченко не сразу понял, о чем идет речь.

– Еда из поселка?

– Из «Пьяного мутанта», Костик, – Зинченко улыбнулся. – Так сказать, «от нашего стола – вашему». Картошка, котлеты, оливье и много чего ещё. Всё – горячее, и приготовлено гораздо лучше, чем то варево, которым нас Ищук потчует. Еще и водка есть.

– Хорошо, – сержант кивнул. – Вот только распоряжение командования – не пить.

– Что значит – «не пить»?

– Возможен прорыв сталкеров через наш блокпост. Удвоен караул, и приказано никому не пить.

– Вот оно что... – Зинченко с тоской посмотрел на стоящий в багажнике ящик водки. – Это уже беда... Ты вот что, Костик, бери эти коробки и тащи в здание. Поесть по-человечески нам никто не запрещал.

– Тоже верно, – сержант подхватил коробку и двинулся в сторону основного здания.

– Прорыв, говорите... – просипел капитан, когда Григорьев оказался у дверей главного здания. – Кто ж это вам доложил?..

Опасливо озираясь, он извлек из кармана смартфон и принялся стучать по цифровой клавиатуре, потом коснулся кнопки с надписью «отправить». На мини-компьютере высветилось «Сообщение успешно доставлено абоненту «Гость». Текст сообщения: «Кумач, вас ждут. Я ухожу. Будьте осторожны».

Спрятав наладонник в карман, офицер захлопнул багажник и сел в машину. Судорожно застучал по приборной панели, вывернул руль. Ждать конца перестрелки с «легионерами» он не собирался. Если группу Кумача ждут, то и его вычислить – «как два байта переслать»...

Взревел мотор, моргнули фары уносящейся в сторону Надеждинска машины, и всё стихло. Взыл ветер, кидая острые льдинки на распахнутые во внешний мир ворота...

На крыльце основного здания появились двое.

– Товарищ сержант, а куда капитан делся? – спросил один из них. – Сказал, еще ящики остались...

– Не знаю, Андрюха, может, опять в «Пьяный мутант» рванул за котлетами... – отозвался второй. – Вон, ящик оставил и кастрюли. Давай в здание занесем, пока хавчик не замерз...

* * *

31 декабря. 23:47. Недалеко от одиннадцатого блокпоста

Зона вела его...

Осознание этого факта пришло, как только стая двуногих попала в аномалию. Точнее, в аномалию попал тот, который шел последним. Хлопок, и вот людей уже трое...

Нельзя было оборачиваться, но человек обернулся...

Когда до линии Рубежа оставалось десять минут ходьбы, двуногий, идущий последним, обернулся и увидел химерыша. Отступил в сторону, пытаясь что-то выкрикнуть, но Зона и на этот раз спасла мутанта. Заметивший химерыша сталкер не успел и слова сказать, а вокруг него уже извивались языки пламени...

Многое повидал за свою короткую жизнь молодой мутант. На его глазах погибли отец и мать, сгинули в аномальных полях сестры и братья, но то, что сделали люди, даже ему показалось страшным. Когда ввысь устремился хлыст багряного пламени и попавший в аномалию человек принялся извиваться, остальные лишь развернулись и продолжили путь. Ни слова, ни реплики, словно они знали, что их товарищ должен был погибнуть.

Химерыш сделал для себя один вывод: вожак стаи слаб и не способен управлять своими сородичами. Ведь как еще можно было объяснить такое равнодушие к судьбе попавшего в аномалию собрата? Да, спасти было уже нельзя, но ни тени испуга или удивления не отразилось на непоколебимо-каменных лицах.

– Так хочет Зона, – бросил на ходу Кумач.

Двуногие больше не оглядывались и не замечали одинокого мутанта, идущего по их следам.

След в след двигался молодой химерыш, не смещаясь в сторону, потому что знал, как легко может повторить судьбу сталкера, стоит лишь однажды оступиться.

Он не приближался к идущим впереди двуногим, но и не отставал, сохраняя дистанцию. Люди замирали, и он замирал тоже...

– Это от нашего человека с блокпоста, – услышал мутант голос Кумача.

Люди к этому времени миновали очередную измененность, и химерыш едва не налетел на остановившуюся группу.

Вожак странной стаи размахивал руками, показывая своим сородичам светящийся предмет, который сжимал в ладони.

– Ты КПК-то спрячь, Кумач, не «спали» нас. Ближе мы уже, – прохрипел один из ведомых. – Что мы теперь Вольту скажем? Надо ведь его предупредить, что на блокпосте его ждут.

– Надо, – Кумач согласно кивнул, коснулся пальцами экрана КПК, но вдруг замер, обратив взор к вершине холма.

Посиневшие от холода губы изогнулись, глаза сузились.

– Хи... мера... – прошептал сталкер, бросил мини-компьютер и потянулся к автомату.

Черная фигурка мутанта скользнула меж опрокинутых цистерн, сваленных слева от тропы, и пули забарабанили по металлу.

– Там химера! – вопил Кумач.

Он стрелял, не убирая палец со спускового крючка, бешено сверкая глазами.

– Там, там она, сука! Стреляйте, братья!

Ведомые принялись озиаться, но в круговерти беснующегося снега ничего разглядеть не могли.

А потом химерыш оказался у них за спинами.

Перезарядивший свой автомат Кумач развернулся к ведомым и, не целясь, дал косую очередь в сторону мутанта, перечеркнув ею еще и своих спутников.

Взревел ветер, метнулась вправо едва различимая тень, и Кумач выстрелил вновь.

– Сука... сука!... Убью!

Он уже понял, что только что сам расстрелял весь свой немногочисленный отряд, но остановиться не мог.

Палец на спусковом крючке то и дело дергался, отточенные до автоматизма действия повторялись вновь и вновь – сменить магазин, дослать патрон в патронник и выстрелить.

– Где ты?! Тварь!

Казавшийся до недавнего времени невозмутимым, командир «легионеров» теперь бился в истерике. Он отбросил автомат, упал на колени и зарыдал...

А химерыш улепётывал прочь. Бешено колотились в груди мутанта оба сердца, а он всё бежал и бежал. От грохота выстрелов заложило уши, и подлого ветра беглец теперь не слышал. Он не понимал, что произошло, как его заметили и почему начали стрелять. Он думал лишь об одном – быстрее вырваться за Рубеж, спастись...

* * *

31 декабря; 23:58. Территория Пустыря. Недалеко от одиннадцатого блокпоста

– От Кумача ничего? – поинтересовался Вольт.

Фокус отрицательно покачал головой.

– Надо начинать.

Командир «легионеров» снял с плеча СВД, кивком указал в сторону блокпоста и покинул укрытие, в котором вместе с восемью своими бойцами ждал назначенного часа.

Путь до блокпоста он просчитал заранее, кидая болты, определил места, где аномалий нет, наметил пути отхода. Всё как планировали – группа разделилась и продолжила движение.

Вскинув винтовку, командир группы сделал первый выстрел – в одного из сидящих у пулемета бойцов.

Второй пулеметчик коснулся плеча товарища, еще не понимая, что произошло, и тут же упал рядом, сраженный метким выстрелом.

– Живых не оставлять! – рявкнул Вольт, переместил винтовку вправо и выстрелил в часового с сигаретой, но промахнулся.

Ему ответил автомат.

– Ближе! Подойдите ближе! – завопил сектант. – Братья, я верю в вас!

Сквозь свист ветра пробился грохот еще двух «калашниковых», и один из бегущих «легионеров» ничком повалился в снег.

«Что-то не так, – мелькнуло в мозгу Вольта. – Должно было быть всего четверо часовых – двое у пулемета, снайпер на вышке и один – у вагончика. Откуда взялись остальные? Как они успели так быстро среагировать? Или, может, группу уже ждали?»

Бой, тем временем, переместился к самому блокпосту. Из общей какофонии автоматного огня вырывались одиночные залпы снайперской винтовки засевшего на вышке часового, и время от времени шелестел, неведь откуда взявшийся, второй пулемет.

– Откуда второй пулемет?! – Вольт развернулся к стоящим рядом Рихтеру и Фокусу.

Сектанты лишь пожимали плечами.

Снова выстрелил снайпер. На этот раз Вольт увидел, как повис на шлагбауме один из его людей.

– Прикончите долбаного снайпера! – крикнул он и, вскинув винтовку, прицелился.

Выстрел...

Выбежавший из основного комплекса командир блокпоста рухнул замертво.

Еще выстрел – и последовавший за майором солдат упал рядом.

– Где РПГ? – взревел Вольт.

Словно откликаясь на его призыв, Рихард и Фокус одновременно вскинули гранатометы.

* * *

Демьяненко споткнулся о тело командира, отшатнулся, что-то прошептал и выскочил на улицу.

– Что у вас? – крикнул он, и тут же в стену основного комплекса над его головой ударил снаряд РПГ.

Старшину швырнуло на снег, а сверху забарабанили осколки фугаса и кирпичной кладки. Второй заряд из РПГ поразил вышку. Лежа под слоем бетонного крошева, контуженный Демьяненко всё же слышал, как падают на землю куски жестяной крыши вышки, как вопит со стороны ДОТа Костик.

– Сейчас, сержант, уже иду!

Демьяненко привстал, вытер ладонью стекающую на глаза кровь и тут же повалился навзничь, опрокинутый тяжелой бронебойной пулей.

Второй пулемет не замолкал. Обосновавшиеся в ДОТе бойцы уже успели срезать четверых сектантов, пытающихся пробраться к главному зданию, и теперь не давали остальным «легионерам» поднять голов.

– Прикройте меня! Я за рацией. Нужно сообщить о прорыве! – выкрикнул Григорьев и, пригибаясь, побежал через двор.

Пулемет за его спиной грохотал не умолкая, а потом разом стих и он, и автоматы сектантов.

Добежавший до середины двора сержант обернулся, и только теперь до него донесся грохот взрыва. Из ДОТа вырвались языки пламени...

* * *

Зона вела его...

Оставив позади спятившего двуногого, химерыш бежал к Рубежу. Грохот выстрелов и взрывов был слышен впереди, но мутанта это уже не волновало.

За Рубеж... только туда...

Взбежав на очередной холм, он замер.

Всего лишь в трехстах метрах перед ним пылал огонь. Пахло паленым мясом.

Надо туда, надо...

Химерыш побежал. По глубокому снегу он добрался до дороги, ведущей к блокпосту, скользнул под шлагбаум и замер...

Прямо перед ним стоял человек в сером комбинезоне. На мертвенно-бледном лице застыло не то изумление, не то страх...

Несколько секунд они смотрели друг на друга...

– Меня Вольтом зовут... – робко произнес сталкер...

Мутант не реагировал. Его желтые глаза внимательно следили за каждым жестом двуногого.

– Ну? – Вольт улыбнулся, глядя на мутанта. – Иди с миром, брат. Я не желаю тебе зла. Не сегодня, не в этот день.

Химерыш фыркнул, оскалился. Он всё еще не понимал, чего хочет этот странный двуногий.

– Иди, – сталкер указал в сторону ворот, ведущих во внешний мир. – Ты ведь этого хочешь?

Мутант перевел взгляд со странного человека на беснующуюся за Рубежом бурю, принюхался и только после этого опрометью бросился к воротам блокпоста. Проскользнул за

ограждения, и долго еще мелькало черное тельце на освещенном огненными всполохами снегу.

– Ушел, – «легионер» облегченно вздохнул. – Спасибо тебе, Матерь-Зона...

Он запрокинул голову, глядя в черное, беззвездное небо.

– Ты свободен, брат, ты свободен... – сталкер вновь глубоко вздохнул. – И я свободен...

От собственных слов ему стало не по себе.

Матерь-Зона не простит таких речей. Зона... К чёрту Зону, к чёрту братство «двуногих волков» – «Легион»!

Сектант отбросил в сторону винтовку, снял шапку и часто-часто задышал. Впервые за долгие годы он дышал не во имя клочка аномальной земли...

Просто наслаждался тем, как морозный воздух щекочет ноздри, как пощипывает щеки...

– К чёрту Зону, – повторил Вольт. – Один раз живем.

Он оглянулся на горящий блокпост, заметил, как у шлагбаума Рихтер добывает одного из часовых, и зашагал вслед за химерой, во внешний мир. В мир живых...

Где-то в основном корпусе шипел опрокинутый телевизор, и сквозь шум помех пробивалась мелодия праздничной песни.

Щелкнула рация...

– Прием, «одиннадцатый», что у вас там?.. Ответьте «Брату», прием, «одиннадцатый», ответьте «Брату»...

В паре километров от блокпоста химерыш остановился, чтобы перевести дух. Лёг на снег, мелко дрожа, и вдруг заметил идущего прямо на него двуногого со стреляющей палкой. Человек направлялся в Зону.

Мутант подпрыгнул, когда двуногий приблизился на расстояние атаки, зарычал, принялся рыть снег мёрзнущими лапами, как делал когда-то отец. Но человек не бросился прочь. Он лишь спокойно стоял, глядя на химерыша, и мутант вдруг различил во взгляде двуногого ту непоколебимую силу, животную мощь, какую он видел в глазах лишь одного существа – отца.

– Замёрз? – спросил человек на своём странном языке, но химерыш понял его и перестал разгребать снег, прижал уши.

– Меня зовут Монгол, – продолжал бесстрашный двуногий, – идём со мной, – и помаанил мутанта за собой, совсем как вожак, совсем как отец.

Глава 2

Месяцем ранее. Окрестности Болот

Для сталкера по прозвищу Батрак минувший август обернулся большими потрясениями. Тогда его, одного из лучших бойцов группировки «Анархия», отправили к торговцу Харитону за важными бумагами.

– Делов-то... – с прищуром глядя на подчинённого, говорил лидер клана. – Берёшь документы и возвращаешься. Можешь пару бойцов для компании взять.

В теории всё выглядело просто. От базы анархистов до бункера торговца – несколько часов пути. Для опытного сталкера с хорошей экипировкой – пара пустяков сходить в лагерь новичков и вернуться. Батрак был опытным, прекрасно знал, где проходят охотничьи тропы мутантов, где обитают бандиты распоясавшегося Лёни Декана. Поэтому обойти все опасные места и знакомые аномалии Батрак мог, что называется, с закрытыми глазами. Никого себе в попутчики он брать не хотел, потому попросил у командира разрешения надеть экзоскелет.

– Вот вечно ты один да один... – нудел завхоз, выдавая сталкеру бронекостюм, – а кто молодняк учить будет? Ты вот можешь без прикрытия пойти туда и обратно, а салажата за первой аномалией полягут.

Батрак лишь отмахнулся, дескать, не моё дело. Он вообще считал сталкеров такими умалишенными ребятами, каждый из которых сам за себя, и даже нашивки клана у них на камуфляже мало о чём говорят.

Отрезок пути до лагеря новичков сталкер преодолел без приключений. Несколько раз совсем близко от человека проходили псевдопсы, поворачивали к Батраку уродливые морды, скалились. Правда, нападать не решались, видя в средоточии металла и плоти серьёзную опасность.

Возле железнодорожной насыпи за Батраком увязался мимикрим – смертельно опасный мутант с длинными щупальцами и мощными, когтистыми не лапами даже – ручищами. Вот только мутант никогда не решился бы напасть на человека в одиночку. Отпугнув его одиночным выстрелом, Батрак перебрался через пути с вставшим на вечный прикол составом из девяти товарных вагонов и уже через час был в бункере торговца.

Харитона Батрак недолюбливал. Этот толстый, небритый дядька казался ему нелепой карикатурой на себя самого. Батрак тоже начинал торговцем в городе Надеждинске, на границе Зоны, но потом всё-таки подался в Зону, решив, что гнить в коморке, продавая самоубийцам оружие и броню – это слишком. Харитона такие мысли, кажется, вообще не посещали.

– На меня сегодня напали... Говнюк какой-то забрался в бункер, – сообщил торговец, – не хочешь пойти охранником?

Батрак молча принял из рук толстяка документы, отрицательно мотнул головой.

– Ну и ладно, всё равно скоро Грызун со своими «лешими» вернётся. С ними спокойнее.

Батрак ушел, оставив Харитона наедине со своими страхами. Его немного насторожила новость о нападении, и сталкер решил идти осторожно, не пересекаясь по пути с незнакомцами. Всякое бывает в Зоне.

Перестраховываясь, сталкер двинулся обходным путём, чтобы не возвращаться по собственным следам. Так уж было заведено.

Под мостом, где проходила единственная тропа, его ждал неприятный сюрприз. Там дежурил военный патруль. С армейскими у «Анархии» сложились непростые отношения – некоторые офицеры были со сталкерами приветливы, другие же открывали огонь без предупреждения. Перекинув автомат за спину, Батрак медленно двинулся к военным.

– Стой! Кто идёт? – раздалось со стороны моста.

– Анархия – мать порядка, – отчеканил Батрак давний пароль, надеясь, что патрульные помнят договорённость со сталкерами пропускать анархистов, назвавших кодовые слова.

Вышедший к сталкеру военный довольно хмыкнул, отозвался:

– Хаос – отец порядка. Проходи.

Батрак всё так же медленно, чувствуя на себе пристальные взгляды солдат, двинулся по тропе.

– Чередов? Капитан, ты, что ли? – спросил он, не доходя до офицера.

– Здорово, Батрак! – зычно отозвался тот и подошел ближе. – Как оно?

– Да потихоньку... Работаю, доставляю корреспонденцию. Иду, думаю – если там кто другой, пристрелит нафиг.

– Другие могут, – согласился капитан, – а мои ребята помнят договор с анархистами.

– И на том спасибо, – Батрак махнул офицеру на прощанье и двинулся дальше, слыша за спиной: «Шемшук, ты куда целишься, баран?!»

Хорошо всё-таки, когда вокруг тебя нормальные, адекватные люди. Поговорили и разошлись краями, хотя военные по инструкции должны задерживать сталкеров, а сталкеры, по банальной логике, – убивать военных. Но ведь не работает эта простая истина! Могут жить рядом вояки с Рубежа и сталкеры из глубин Зоны. Нужно лишь найти общий язык, распределить обязанности сторон.

С Чередовым и его непосредственным начальником, майором Вениаминовым, договориться оказалось просто. Сталкеры обещали не нападать на армейские колонны, которые солдаты гоняли по Зоне туда-сюда с одной им ведомой целью, а те, в свою очередь, согласились не отстреливать сталкеров. Взаимовыгодное сотрудничество. И никого не пришлось убивать.

Батраку на мгновение подумалось, что теперь-то проблемы позади, но именно в этот момент совсем рядом раздался хищный рык мимикрима, а потом послышался громкий окрик:

– Эй, братишка!

Батрак обернулся на голос, вскидывая оружие. Картина, представшая перед ним, поражала своей сюрреалистичностью – посреди асфальтового полотна дороги стоял недавний мимикрим, а рядом – человек в балахоне. Станный незнакомец адресовал свой окрик вовсе не Батраку, а мутанту. Мимикрим, как и положено одинокому мутанту, заворчал и ретировался, поняв, что перевес сил не на его стороне.

Батрак и его нечаянный спаситель познакомились. Парня звали Макс. Через тридцать минут, когда мутант напал вновь, на сей раз решив во что бы то ни стало растерзать сталкера Батрака, Макс вновь пришел на помощь и одолел мутанта, нависшего над анархистом.

– ...В общем, если бы не этот Макс, мимикрим бы меня порвал, – закончил свой рассказ Батрак и обвёл сталкеров торжествующим взглядом.

Они втроём сидели возле жарко дышащего костра на опушке осеннего леса. В нескольких километрах шипела аномальная стена, за которой, если верить слухам, таилась легендарная Проклятая Топь, клондайк артефактов и рай для сталкеров.

Помимо Батрака, у костра устроились двое. Высокий крепыш в лёгком камуфляже сидел, положив на колени выдавший виды автомат с изодранным, измочаленным прикладом. Второй был полной противоположностью – низкорослый, весь какой-то расплывчатый, но на удивление улыбочивый и добрый. Станные черты для снайпера.

Как зовут сталкеров, Батрак понятия не имел. Этот молодняк ему навязали для обучения. Решили, что рейд с опытным сталкером будет полезен для новичков. Не мудрствуя, Батрак нарёк длинного Первым, а полноватого – Вторым, объяснив, что ему наплевать, кто эти двое, потому как после совместного рейда он забудет об их существовании навсегда.

– Батрак, – Второй выложил перед собой пакеты со спецпайками и обвёл их жестом шеф-повара. – Угощайтесь.

Сталкер взял один из пакетов и надрезал краешек герметичной упаковки. Саморазогревающийся гарнир и галеты из армейского рациона пахли так, что сталкер невольно причмокнул. Давно он не ел нормальной пищи.

– Благодарствую.

– Батрак, – Второй заискивающе взглянул на рассказчика и протянул ему фляжку.

Вот и рейд подходит к концу. Скучно и грустно. И некому пулю пустить... Ирония, конечно, но новичкам наверняка всё представлялось иначе. Они думали, что матёрый сталкер, взявший их с собой, поведёт необстрелянных юнцов в бой с мутантами. Дудки! Батрак просто привёл их к мрачно поскрипывающему ночному лесу и аномальному полю, развёл костёр и принялся травить байки. Мутантов в этих краях не водилось уже давно по не выясненной никем причине, так что при мизерной опасности сидение у костерка было лучшим времяпрепровождением для всех.

– Может, ещё чего рассказать? – Батрак вернул фляжку и аккуратно свернул опустошенный пакет в трубочку.

– Расскажите, – Первый сгрёб остальные пакеты в рюкзак и теперь пристально смотрел на рассказчика.

– Ну... – Батрак помедлил, будто отыскивая в памяти наиболее интересную историю, и, наконец, проговорил заговорщическим тоном:

– Это было по осени, года два назад. Мы с двумя сталкерами доставляли в научный лагерь на Озере оборудование, которое с вертолётки не туда сбросили. Ну, вы знаете, что такое окрестности Озера. Со стороны аномальных полей – более-менее нормальный берег, но если идти отсюда, от этого самого леса, будет большая низменность, переходящая в болото. Жуткое место, я вам доложу... Когда военные после появления Зоны строили тут научный лагерь и копали тоннели, всю технику бросили, согнав на берег. Не прошло и пары месяцев, как всё в округе затопило, и машины ушли под воду. Строительной техники тогда потеряли немало. Экскаваторов, тракторов, грузовиков. И всё было хорошее, рабочее. Как потом выяснилось, что-то намудрили с расчётами при строительстве подземных лабораторий, что-то там – с выемкой грунта. И подземные воды, и вода из Озера... – Батрак крикнул, – короче, затопило изрядный кусок территории. Вот туда-то и приземлился наш контейнер. Грузы на Янтарь доставлять – дело прибыльное. Толстолобики из Большого лагеря за этот груз нам собирались заплатить приличные для того времени деньги.

Ящик, который нам надо было доставить, был маячком отмечен, и мы его без труда нашли. Полоумные снабженцы из-за Рубежа его вообще не в том квадрате сбросили – промахнулись на несколько километров. Но это по прямой несколько, а в обход болота – целый день идти. Да ещё зомби кругом. Мы, значит, нашли место, которое этим самым маячком помечено. Смотрим, а ящик в высоту два метра, в ширину – полтора, и весит, будто там танк разобраный. Мы его втроём от земли еле оторвали, пронесли пару метров и бросили. Один из тех, с кем я эту штуковину в научный лагерь нести подрядился, и говорит:

– Можно этот ящик по болоту переправить.

– Как так? – спрашиваю, а он и говорит:

– Надо верёвками его перевязать и по крышам машин затопленных до самого Озера тащить, как по полозьям.

Мы со вторым сталкером прикинули, какое расстояние нам с этим барахлом на горбушке придётся преодолеть, и нам так тоскливо стало, будто мы на открытом месте перед выбросом остались.

А через болото идти страшно. Над ним вечно туман, и те, кто пытался по крышам затопленных машин пройти, уже не возвращались. Но идея-то хорошая. И решили мы отпра-

вить одного из нас в этот туман, чтобы он дорогу разведаль. Жребий мне выпал. Беру я, значит, оружие – и туда. Чуть не сорвался в воду, а сталкеры мне кричат:

– Не убейся раньше времени!

Я по крышам ржавым пошел. Главное, думаю – не оступиться. Датчик аномалий чуть ли не матерится, показывает, что по обе стороны от меня – смерть. Шаг в сторону – порвёт, как тузик – ту многострадальную грелку. Ну, я иду. Прошел около километра и увидел берег. Я-то думал, что это насыпь, которая отделяет болото от Озера. Выскакиваю на землю, при- танцовываю. И тут меня как током ударило – по насыпи проходит дорога, по которой военные иногда колонны проводят, а тут ничего – ковыль в пояс, и тишина такая, как будто кто-то всё живое вокруг передушил. Туман – хоть глаза выколи!

Думаю – если я не по прямой буду идти, а в сторону, то заплутаю. Пошел вперёд. Минут десять топал, начали появляться из тумана какие-то здания. Не научный лагерь, а кирпичные и панельные дома, все полуразрушенные.

А потом под ногой что-то хрустнуло. Я глаза опускаю, а там человеческие скелеты. Один, другой. Ржавые гильзы кругом, оружие лежит заржавевшее. Видно, что эти ребята погибли тут никак не меньше полугода назад. Мясо местные хищники растаскали, до костей обглодали. А оружие никто не забрал. Выходит, не было после них тут ни одного человека, который автоматы унёс бы. И я напугался так, что и не передать словами. И дёру оттуда. Когда вернулся, меня сталкеры расспрашивать начали. Говорят, четыре часа меня не было.

– Нет, – отвечаю. – Я максимум час там ходил.

А они говорят, мол, уже и ждать перестали, думали, погиб. Я им тогда про скелеты и оружие рассказал. Мы это дело обмозговали и решили по берегу ящик тянуть.

Батрак замолчал.

– И что, дотянули?

– Нет, – он покачал головой. – Зомби шальной из гранатомёта жажнул, и всё оборудование по округе разбросало...

– А что это за здания были? – перебил его Второй. – Может, заброшенный посёлок Радостный?

– До Радостного отсюда часа два ходу, слишком далеко. До научного лагеря – тоже не близко. Считаю, это Проклятая Топь.

– Я думал, это легенда. – Второй восторженно смотрел на Батрака.

– Может, и не легенда. Но я туда больше ни разу попасть не смог. Дважды пробовали с мужиками пройти, но каждый раз приходили к насыпи у Озера. Наверное, Зона не хочет, чтобы я туда попал.

Батрак поднял с земли корявую ветку, пошевелил угли, а потом вдруг потянулся к оружию. В отвесах внезапно повзрослевшего пламени ему почудились неясные фигуры в лесной чаще.

– Мужики, у нас гости, – тихо скомандовал сталкер, но салажата ничего не поняли. Вскочили, схватились за оружие – и тут же со стороны зарослей грянул выстрел.

Ствол небольшой рябины справа от Батрака разлетелся градом мелких щепок. Сталкер сбил с ног Второго и искренне порадовался реакции Первого, который сам рухнул в траву и откатился к деревьям. Батрак попытался вычислить позицию стрелка, но это ему не удалось. Между деревьев замелькали тени, извивающиеся в отвесах костра. Оба новичка к этому времени заняли относительно удобные позиции, но стрелять не торопились. Раздался второй выстрел. Теперь совсем рядом. На этот раз Батраку удалось поймать в перекрестье прицела человека с автоматом.

Нападавший старался держаться в тени деревьев, а заметив, что сталкер вычислил его позицию, попытался уйти с линии огня, но не успел. Пуля настигла его в тот момент, когда нападавший поднимал оружие для очередного выстрела.

Эхо винтовочного залпа заметалось от дерева к дереву, наполняя подлесок грохотом. В этом шуме сталкер расслышал несколько пистолетных выстрелов, после чего зашелестел автомат Первого, выплёвывая свинцовые порции в темноту. Отрывисто, одиночными, стрелял Второй. Сам Батрак не тратил пули понапрасну. Как успел понять сталкер, он ранил одного из нападавших. Теперь выстрелы смолкли, и сталкеры услышали шуршание палой листвы по другую сторону от их укрытий.

– Мужики, разойдёмся краями? – попытался разрядить обстановку Батрак.

В ответ прилетела длинная очередь, и сталкер вынужден был спрятаться за стволом дерева. В это же время на границе освещаемого костром пространства возникла человеческая фигура. Неизвестный с автоматом выстрелить не успел – проворный Первый стеганул его длинной очередью, выпростав до сухого щёлканья бойка весь магазин «калашникова». Пули нашли свою цель. Грузная фигура подстреленного незнакомца качнулась и рухнула в просвет между деревьями. Молодец, молодой! Хорошая реакция – ключ к выживанию в Зоне. А вот Второй что-то затих.

Батрак, пригибаясь, прошелся кустами вдоль догорающего костра, боясь самого худшего. Но Второй был жив. Сидел в яме от вывернутого с корнем дерева и мелко трясся.

Выписав парню пощёчину, Батрак зло процедил:

– Возьми себя в руки или погибнешь.

Второй энергично закивал, поднял с земли заляпанный грязью «укорот» и передёрнул затвор. Так-то лучше!

– Справа! – крикнул совсем рядом Первый.

Справа от кого? Батрак совсем потерялся в мешанине цветов и звуков, лес вокруг крутился волчком, временами расцветая сполохами выстрелов.

Тень мелькнула за частоколом елей. Сталкер резанул очередью, но это не принесло результата. Он увидел, как человек в тяжелом защитном костюме повалился в траву, уклоняясь от пуль.

Заметив, что Батрак прижал цель, Первый дважды выстрелил в плотную траву. В ответ громынуло несколько одиночных.

– Первый, не давай ему высунуться! – рявкнул Батрак проворному пареньку, а сам принялся спешно перезаряжать автомат. – Второй, прикрой меня... Второй, твою мать!

Он мельком обернулся в сторону недотёпы и обмер – Второй стоял на коленях, а за его спиной, прижав к горлу парня широкое лезвие ножа, возвышался здоровяк в камуфляже.

– Бросай пушку, – скомандовал он тихо и властно.

Но добровольная сдача оружия была равносильна самоубийству. В глазах Второго читалось: «Пожалуйста, не надо», и Батрак сдался – медленно опустил автомат, положил его на траву. Мотивация, чтоб её!

– Пусть второй перестанет стрелять.

– Хорошо... Первый! Бросай оружие, нас взяли.

С минуту со стороны костра слышались голоса. Потом появился растерянный, безоружный Первый, а за ним – мужик лет сорока, высокий, крепкий, с пугающе мёртвым взглядом.

– Мужики, может, правда, разойдёмся? – вновь принялся играть в дипломатию Батрак.

– Ты моего бойца завалил, – всё так же тихо сообщил человек, держащий нож у горла Второго.

– Вы первые начали стрелять! – не выдержал Второй, проявив наглость, которой Батрак от него не ожидал. Или глупость.

– Рот закрой, – человек с ножом обвёл взглядом присутствующих, потом скомандовал:

– Север, пусть хватают баллон вместо убитого и тащат.

Любитель стрелять одиночными кивнул и саданул Первого прикладом меж лопаток:

– Пошел!

Сталкер неловко шагнул к Батраку.

– Только без глупостей, – шепнул ему опытный товарищ по несчастью.

– И молчите у меня! – предупредил незнакомец с ножом, отпуская Второго.

Троих обезоруженных анархистов погнали через лес к лежащему между замшелыми соснами покойнику.

– Берите груз, – скомандовал человек с ножом, указывая на небольшой газовый баллон, стоящий рядом с покойником.

Первый и Второй легко подняли груз за приваренные к нему ручки, и Батрак прочёл надпись, тянущуюся по стальному боку похожего на самовар баллона: «Белый дым».

Тихоголосый незнакомец ножом срезал с пояса мертвеца ремень с несколькими подсумками, повесил себе на плечо. В последний раз с тоской поглядев на товарища, скомандовал:

– Вы двое – тащите баллон. Ты идёшь рядом. Если вздумаете бежать, пристрелим тут же. Поняли?

Первый и Второй закивали, а Батрак вдруг, неожиданно для самого себя, спросил:

– Вы нас убьёте?

На его вопрос ответил Север:

– Если не будете тупить, то выживете. И чёрт вас дёрнул в эту глухомань соваться... А так вон оно что вышло – пересеклись дорожки, – и двинулся меж деревьев.

Минут через десять новички совершенно потеряли ориентиры, а Батрак начал подозревать, куда их ведут. До появления Зоны в этих лесах располагался небольшой, компактный посёлок Радостный, который потом обживали мутанты и утюжили армейские вертолёты. В итоге из всех строений уцелел разве что двухэтажный детский сад, по задумке строителей поставленный в кедраче, за чертой посёлка. Вроде бы уцелели и склады, которые и вовсе стояли в трёх километрах к северу. Правда, туда сталкеры никогда не ходили, уверенные, что со складов вернуться живыми нельзя. Ходили байки, дескать, там находится легендарная Проклятая Топь с полями артефактов и жуткими мутантами-сторожами. Впрочем, у сталкеров везде Проклятая Топь, куда они боятся сунуться. Этакая отговорка: «Нет, туда я не полезу, там, наверное, Проклятая Топь. А вот двое камуфлированных явно не боялись сталкерских страшилок. Шли через лес уверенно, без всяких датчиков. Батрак за время пути разглядел их внимательно и сделал для себя неутешительный вывод: случайные знакомцы прекрасно подготовлены, ориентируются в лесу, как у себя дома, а значит, бежать не имеет смысла.

Если даже они с новичками рискнут и помчатся через лес, что потом? Налетят на аномалии, попадут на клыки мутантам? Неважно, без оружия в Зоне – верная смерть. Освещая путь мощными фонарями, люди в камуфляже вели их в неизвестность, и выбора не было – оставалось следовать за ними.

Ещё через несколько минут в темноте мелькнула почти человеческая фигура. Но это был не человек. Батрак ясно различил свисающие до самой земли передние конечности.

– Мимикрими, – просипел он, указывая направление, в котором стоило посмотреть.

Теперь увидели и остальные. Существо и не думало скрываться, двигаясь почти демонстративно.

– Север, смотрим в оба, – рявкнул второй камуфлированный, вскидывая автомат. – А вы продолжайте идти.

Сталкеры повиновались. Одинокая сгорбленная фигура с непропорционально длинными ручищами приближалась, то исчезая за деревьями, то появляясь вновь, и вдруг окончательно пропала, растворившись в темноте.

– Куда он пропал? – Север бессмысленно водил стволом «калашникова» из стороны в сторону.

Теперь и его напарник, до тех пор не разделявший его страха, начал опасно озираться по сторонам.

Внезапно мимикрим показался совсем близко, и сталкеры открыли огонь. Поляну окутал едкий пороховой дым. В белом шлейфе на мгновение проступила оскаленная морда мутанта с извивающимися по-змеиному ротовыми присосками, после чего снова исчезла.

Север выстрелил наугад, одиночным, но противник оказался слишком проворным. Серая тень извернулась, и мутант ударил сталкера в живот...

Удар был такой силы, что Север на несколько секунд потерял ориентацию в пространстве. Он увидел, как странное создание рывком переместилось к напарнику, и услышал истошный вопль. Обернулся, но его тут же сбил с ног второй мимикрим. В лицо Северу пахнуло мускусом, а потом тело пронзила боль.

– Бежим! – крикнул новичкам Батрак, не дожидаясь кровавой развязки, ухватил за ремни выроненные камуфлированным автоматы Первого и Второго и рванул с места. Молодые сталкеры не отставали.

– Знаешь, кто это был? – задыхаясь, спросил Второй, когда они остановились перевести дух.

– Мимикримы, – пояснил Батрак, передавая один из автоматов Первому. – Потом обсудим, что произошло. Сейчас надо бежать, пока они нас не нагнали! Эти придурки разворошили гнездо мутантов!

Оба сталкера устремились вслед за наставником, а лес позади уже наполнился шорохами и хриплым рычанием.

– Куда? – прокричал Первый, когда они внезапно выбежали из леса на широкую, метров двести, просеку.

– Дай-ка соображу, – Батрак завертел головой, пытаясь понять, где они очутились. – Так, если бежать влево, то мы выйдем как раз к складам, вправо – аномальные поля, я там бывал.

– Куда?! – испуганно взвизгнул Второй, оставшийся без автомата.

– Прямо! – решительно скомандовал Батрак и побежал, спотыкаясь о пни, к недалёкому леску.

Он лишь единожды обернулся, чтобы оценить обстановку, и понял, что лучше бы не делал этого – на просеку хлынула волна мутантов, двадцать, а то и тридцать морд.

– Живо! – подгоняя остальных, выкрикнул сталкер и больше не оглядывался.

Выглянувшая из-за туч луна осветила маячащий впереди лес, и сталкеры с ужасом воззрились на вереницу серых силуэтов, выросших будто из-под земли. Бежать было некуда.

Издали мутанты напоминали людей, вот только поблёскивающие на фоне неясных очертаний глаза выдавали в них представителей совсем другого вида. Несколько минут они смотрели на троих сталкеров, после чего с десятков существ медленно двинулись навстречу сталкерам, огибая аномалии. Не сговариваясь, Батрак и Первый открыли огонь. Стреляли метко и кучно. С визгом несколько мутантов повалились на траву и принялись извиваться в предсмертной агонии, но остальных это не остановило. Они всё так же спокойно шли на врагов.

В солнечном советском детстве Батрак любил смотреть исторические фильмы, где две армии сходились в кровопролитных схватках, а офицер кричал, чтобы они не «ломали» строй. Тогда он не мог понять, зачем солдаты подставляются под пули и, вопреки всему, маршируют как заведённые. Честно говоря, он и сейчас считал эту тактику глупой. Но теперь в сознание проникла невероятная идея. На секунду он представил, что на него идут никакие не мутанты, а солдаты в одинаковых мундирах. И он ждал, пока в перекрестье прицела попадёт офицер, самый матёрый мимикрим. А сзади так же неотвратимо двигалась другая волна мутантов, с каждым метром сокращая дистанцию.

– Они нас порвут, – истерил Второй.

Батрак его не слушал. Он выцеливал жожака. Наконец, вперёд вырвался рослый мутант, утробно зарычал, и все мимикримы, как один, ответили грозным рыком. Батрак выстрелил.

Реакция противника была незамедлительной. Мутант уклонился от пули и прыгнул вперёд, словно подброшенный на «трамплине». Сталкер растерянно глядел на существо, пытаясь представить точку приземления.

В этот момент всё прочее ушло на второй план – и вопящий что-то Второй, и рычащие монстры. Остались только он, не пристрелянный автомат и движущаяся мишень. Всё замерло. Даже сердце замедлило стук, и сталкер нажал на спусковой крючок.

Пуля ударила в грудь мимикрима, и мутанта отбросило к общей массе сородичей. Выстрел был определённо удачным, но в данных обстоятельствах это никак не влияло на происходящее. Батрак развернулся на девяносто градусов и побежал по просеке в сторону складов, между сходящихся справа и слева живых волн.

Где-то позади отрывисто ухнул автомат Первого и смолк. Батрак надеялся, что обоим сталкерам хватит ума последовать за ним. Луна скрылась за тучами, и сталкер бежал в крошечной мгле. Но пугала не темнота, а медленная неотвратимость, с которой мимикримы двигались за ним.

В голове Батрака созрел безумный план. Он вдруг вспомнил, как до появления Зоны работал на складах водителем большегруза. Там, на территории, располагались два корпуса, до которых ему и новичкам сейчас ни за что не добежать. А вот бункер, наследие советских времён, находится за территорией, в него можно попасть и намертво закрыть створку, так что мутанты подавятся стальной пластиной в палец толщиной.

– За мной, оба! – не оборачиваясь, крикнул Батрак и резко взял вправо.

Лишь бы на пути не попала аномалия, лишь бы... А ещё бункер. Что стало с ним за годы, прошедшие после появления Зоны? Прежде там хранили продукты, пользуясь тем, что в подземелье было сухо и прохладно. Что, если дверь прикипела намертво и её не удастся открыть? Бежать на территорию, в небольшой пристрой к первому корпусу, где тоже есть подпол с надёжным винтовым механизмом? Нет, до территории складов добежать не удастся.

Пробежав ещё с полсотни метров, задыхающийся сталкер различил небольшой, около метра, бетонный кожух бункера, выступающий над поверхностью земли. Когда-то на территории складов была советская военная база, но в девяностые её раздербанили, а торгаши из Радостного облюбовали бывшие ангары и казармы под хранилища товаров. Но бункер ещё мог послужить не для хранения скоропортящихся фруктов и овощей, а для спасения человеческих жизней.

Батрак распахнул внешнюю, лёгонькую дверь, приделанную торговцем Арменом в девяносто девятом, схватился за «штурвал» механизма внутренней, стальной двери. Тот на удивление легко поддался. Сталкер ошалело глянул на бегущих следом Первого и Второго – парни, молодцы, не отставали.

– За мной! – крикнул он, распахивая дверь в пропитанный плесенью спасительный бункер.

Конструкция была сорвана с петель. Под напором дверь крякнула и повалилась вовнутрь с оглушительным грохотом. Гул разнесся над просекой и территорией складов, словно эхо далёких выстрелов, и мутанты, привлечённые звуком, внезапно ускорились, побежали к троим обречённым.

Внутри усеянного гранитной крошкой коридора была ещё одна дверь, судя по всему, надваренная совсем недавно. Металлический лист надёжно перекрывал доступ в дальнейшие помещения.

– Не пройдем, – констатировал Батрак, оглядываясь на чёрный провал вывороченной двери, лежащей «штурвалом» кверху. – Мы в ловушке.

От этих слов у Первого всё внутри похолодело, а Второй явственно представил, как в бункер врывается голодная стая и начинается неравный бой. В том, что так и будет, он почти не сомневался. Но вместо страха сталкера захлестнула обида. Почему так? Почему сейчас? Он ударил ногой в лист металла, и дверь чуть заметно сдвинулась.

Что это? Шутка старушки Зоны или кто-то забыл запереть дверь?

Батрак отстранил удачливого новичка, надавил плечом. Дверь распахнулась.

– У нас сегодня день открытых дверей! – изумился он. – Заходим, мужики.

Пахло сыростью и чем-то приторно-сладким, отчего желудок тут же попросил освободить его от сегодняшнего ужина. Натянув на лицо защитную маску, Батрак шагнул в темноту, новички двинулись следом.

Светя карманным фонариком, он обнаружил справа от входа электрораспределительный щиток и принялся щёлкать тумблерами. Чем чёрт не шутит, вдруг сталкеры устроили в этом бункере убежище, наладили свет. Батрак не раз слышал об умельцах, которые могли запитать генератор от аномалии или артефакта, потому не слишком удивился, когда с гудением включились лампы под потолком, и робкое свечение окутало зал. Сталкерам открылось огромное помещение с несколькими столами-партами в центре. Бункер напоминал бетонный короб из старой компьютерной «стрелялки».

Не растерявшиеся новички в последний момент захлопнули дверь перед мордой огромного мутанта. Мимикрим взвыл и принялся колотить в стальную пластину, но это было бесполезно. Теперь жертвы оказались в недосягаемости. Мутант ещё несколько раз ударил кулаком в дверь, после чего поспешил вернуться к сородичам.

Осторожно, словно по минному полю, сталкер прошёл по залу и замер, глядя на сводчатый потолок. Там был прикреплен небольшой предмет округлой формы, напоминающий измазанный чёрной краской камень.

– Осторожно... Тут ловушка, – Батрак указал на потолок, где крепился камень.

– Что это? – запрокинув голову, спросил Первый.

– «Коловрат».

– И что это такое?

– Этот артефакт удаляет воспоминания. Прошел под ним – и будто не жил последние пару часов. А попутно вызывает опухоли, так что давайте-ка снимем его...

– И зачем он здесь? – подал голос Второй.

– А чёрт его знает, – сталкер оглядел стол с кучей разбитых склянок и гильз разного калибра, которыми был усеян и пол комнаты. – Наверное, здесь хранили что-то важное, о чём входящие не должны были помнить, покидая бункер, или хранят до сих пор, раз артефакт висит на своём месте.

Первый кивнул и присел на корточки, копаясь в ворохе бумаг, разбросанных по полу. Там были какие-то отчёты, бланки, квитанции на выдачу продуктов и много другого. Внимание сталкера привлекла красная пластиковая папка-скоросшиватель. Он аккуратно выудил её из общей массы и открыл.

– Полковнику межведомственного управления Рубежа Вениаминову... – прочитал Первый. – От командира группы снабжения... Может, тут документы хранились важные или хранятся до сих пор?

Батрак поморщился.

– Вряд ли. Артефакт охраняет то, что находится за ним, то есть где-то в той половине бункера.

– Посмотрим? – сталкер вопросительно поглядел на старшего товарища.

Батраку нравился его настрой. Молодой анархист быстро реагировал при появлении опасности, ясно мыслил – словом, был хорошим сталкером.

– Сперва снимем эту штуковину.

Батрак придвинул к стене один из столов, и, взобравшись на него, принялся откручивать винты креплений. Вскоре все металлические скобы были благополучно отогнуты, и сталкер аккуратно положил артефакт в подсумок, обернув специальной тканью.

– Вот теперь пошли. – Он бросил короткий взгляд на стальную дверь, изредка сотрясаемую ударами извне, и нетерпеливо шагнул к скрытому помещению.

Станный запах шел именно оттуда. Но не это, а состояние замка удивило сталкера больше всего. Кодовое устройство было выломано, причём по всему было видно, что стальную переборку вышибали изнутри.

В Зоне вообще бывает всякое, но чтобы третья дверь подряд оказалась открытой... «Совпадений в Зоне нет, – гуляла от сталкера к сталкеру невеста откуда взявшаяся максима, – есть лишь неявные закономерности. В Зоне всё взаимосвязано». Чем не объяснение?

Зацепив стволом винтовки дверь, сталкер потянул её на себя. Створка поддавалась с трудом. Чувствовалось, что открывали её нечасто.

Свет в комнате не горел, а там, где должна была располагаться лампа, что-то недобро искрило. Но и без источника света Батрак смог разглядеть обстановку небольшого зала. Вдоль одной из стен выстроились в ряд четыре автоклава. Второй от начала был перевёрнут, и его содержимое вылилось на пол. От этой непонятного цвета жидкости и исходил душасный запах. Остальные три автоклава были целы.

Подняв фонарь над головой, чтобы видеть всю панораму, Батрак перешагнул через лужу и оказался в центре зала. Только теперь он разглядел человеческие фигуры, плавающие в заполненных жидкостью колбах, и вздрогнул от омерзения и неожиданности.

В первом автоклаве лежал человек лет сорока, темноволосый, крепкий. В третьем – молодой, смуглый парень. Обитателя четвёртого разглядеть сразу не получилось – слишком далеко от входа стоял его автоклав. Чтобы увидеть незнакомца в колбе, Батраку пришлось наступить в склизкую массу, отчего вспомнилась одна-единственная, но очень уж неприятная история с аномалией «холодец».

Фонарь дрогнул, освещая лицо человека за стеклянным куполом. Сначала Батрак не узнал его. Тонкие черты, впалые щёки, сеточка морщин на сморщенном старческом лице. Вроде бы этот дедок был ему смутно знаком, но дыхательная маска мешала рассмотреть внешность пленника достаточно подробно. Внезапно человек в колбе открыл глаза, и Батрак вздрогнул. Он узнал его.

Так же этот человек смотрел на него в научном лагере несколько лет назад, когда Батрак – новичок совсем, такой же зелёный салажонок, как Первый и Второй, – пришел продавать артефакты. На тощем лице стало больше морщин, глаза ввалились ещё сильнее, на темени проросла лысина.

– Твою ж мать! – сталкер отшатнулся, вляпываясь в склизкую жижу обеими ногами.

Стоящие у дверей зала новички спешно подхватили его.

– Вы это видели? – голос Батрака дрогнул, он указывал на четвёртый автоклав.

– Что там?

– Это профессор Дугин. Тот самый пропавший учёный, которого в прошлом году искали по всей Зоне.

Первый и Второй переглянулись. Они наверняка не слышали прежде про Дугина, да и откуда двум салажатам знать о великом учёном, который внезапно исчез из научного лагеря и, по слухам, теперь работал на Хозяев.

– Вы его не знаете, – отмахнулся Батрак, – Но то, что он жив и что мы его нашли – это чертовски странное совпадение.

– Говорят, в Зоне нет совпадений, – как по писаному выдал Второй, – есть лишь неявные эти самые... закономерности.

Ну да, верно. Объясняющая всё максима. Батрак решительно шагнул в основной зал, прочь от лужи, пахнувшей жженым сахаром. И в этот момент технический люк в полу приоткрылся, из него показалась грязная рука с разводным ключом.

– Север, почему так долго? – зло произнёс неровный фальцет. – Давайте сюда баллон!

Батрак мыском ботинка приподнял крышку, откинул её и нацелил на технический люк дуло автомата.

– А ну, вылазь оттуда, – рявкнул он.

В прямоугольнике люка возникла чумазая, небритая и озадаченная морда.

– Наверх, живо! – поддержал старшего товарища Первый.

Вслед за мордой показалось массивное туловище в прорезиненном комбинезоне.

– А где Север? – спросил неизвестный, как только Второй вытащил его из лаза за шкирку.

Карие глаза толстяка в испуге метались из стороны в сторону, словно ища спасения.

– Мёртв. А ты кто такой?

Незнакомец нервно хохотнул:

– Вот ведь... Надо сообщить в лагерь... Чёрт-чёрт-чёрт! Как же мы без «Белого дыма»? Химера ведь уйдёт...

– Встряхни его, – скомандовал Батрак.

Второй с силой тряхнул толстяка за плечи, и тот вдруг прекратил причитать.

– Говори, кто ты, – угрожающе прошипел анархист, – и что тут вообще происходит.

Воцарилась тишина. Было слышно, как капает вода с отсыревших перекрытий, настырно бьёт в запертую дверь неугомонный мутант. Толстяк смотрел то на Батрака, то на двух молодых анархистов, словно соображая, стоит ли рассказывать им обо всём или же разумнее держать язык за зубами.

– Я – сталкер... – протянул он и улыбнулся.

– Да ну... А те двое, Север и второй, – кто они? Тоже сталкеры?

Толстяк кивнул, помешкал пару секунд, потом выпалил:

– Они из братства...

– Что за братство? «Легион»?

– Нет, из братства «Ветра». Дети Матери-Зоны.

– Сектанты, – сплюнул Батрак. – И ты тоже из их числа.

– Не идейный. Я просто техник. Слежу за коммуникациями, меняю питательную смесь...

Снаружи бункера что-то тяжелое ударило в дверь, и стальной лист мелко задрожал.

– Есть другой выход из бункера?

Толстяк потупился.

– Ну! Если не скажешь нам, погибнем вместе, когда мутанты ворвутся.

– По техническим коммуникациям можно проползти в лагерь братства...

– Вот что, техник, – принял решение Батрак. – Там, в одном из автоклавов, лежит профессор Дугин, хороший человек и великий учёный. Сейчас ты поможешь нам вытащить его, а потом все вместе уйдём через коммуникации. Согласен?

Напуганный толстяк кивнул.

– Тогда бегом – спасать человека! И заодно расскажи, кто остальные.

– Адепты... – техник пожал плечами, – воины Зоны, её дети...

– Один уже ушел? Автоклав пустой.

– Человек без лица... Да, он ушел... Вчера...

Техник засеменил к комнате с автоклавами следом за анархистами, после чего, словно дирижер оркестра, начал водить руками по многочисленным рядам кнопок на боковых панелях автоклава, потом подошел к капсуле Дугина и попытался открыть крышку, отчаянно дёргая за металлическую ручку.

– Сколько он пролежал так, без еды? – поинтересовался Батрак, помогая сдвинуть дверцу.

– Без еды? – техник укоризненно посмотрел на него. – Мы каждую неделю меняли питательный раствор в автоклавах, чтобы поддерживать жизнь в этих людях. Так что без еды он не оставался.

– А электричество?

– Под землёй есть мощный генератор, – техник пожал плечами. – Здесь когда-то работали неплохие печи.

Они вместе потянули за ручку. Скрипнули петли, и дверца автоклава нехотя начала подниматься. Странная жидкость вылилась в особый сосуд, приделанный к автоклаву сбоку.

– Маску не снимайте, – предупредил техник. – Может быть кислородный шок.

– Это как? – не понял Батрак.

– Он, пока здесь был, дышал особым составом, и резкий переход на дыхание смесью с большим содержанием кислорода может пагубно на нём сказаться.

– Понял, – Батрак убрал руку, протянутую к маске. – А так и должно быть? Он даже глаз не открыл. Когда он был внутри этой штуки, то смотрел на меня.

– Подождать надо несколько минут. Потом всё будет в норме. Вы ему что-нибудь попить приготовьте. Лучше спирт.

Батрак щёлкнул пальцами, указал на Второго, который тут же протянул ему плоскую фляжку с нацарапанной надписью «Дети свободы». Детский сад... И пафоса – хоть отбавляй.

– А почему именно спирт?

– Чтобы организм быстрее в нормальном режиме заработал, – предположил Батрак.

– Угу, – техник кивнул. – Вывод продуктов жизнедеятельности у него через трубки шел специальные.

Он указал на странное устройство, напоминающее скорее панталоны.

– После этого знаете как плохо бывает – как будто тебя в аномалии месяц крутило.

Анархисты вновь закивали.

В этот момент профессор Дугин открыл глаза. Веки дрогнули, и учёный что-то прошептал, но так слабо, что ничего расслышать не удалось.

– Он в норме? – забеспокоился Батрак.

– Относительно, – техник покачал головой. – Главное ведь...

Он замер на полуслове, словно услышал что-то.

Сталкеры тоже услышали – как содрогнулась тяжелая дверь бункера, захрустел мнущийся металл.

– Они прорвутся! – крикнул Первый и выбежал в главный зал.

Тут же гроыхнул выстрел, и тяжелое эхо разнеслось по бункеру, ударяя по барабанным перепонкам. Зарычали прорвавшиеся монстры. Батрак вбежал в зал как раз вовремя. Он полоснул очередью по двери, и два мутанта рухнули посреди коридора, преградив путь остальным. А остальных было достаточно. Живая волна мимикримов нахлынула на тела павших собратьев, и вскоре новые особи вырвались из коридора.

Батрак опять нажал на спусковой крючок, выпуская короткую очередь. Первый тоже не терял времени. Он методично отстреливал мимикримов, заваливая их телами оставшийся проход. Если бы мутанты встретились со сталкерами на открытом пространстве, анархистам ловить было бы нечего, но в узком коридоре, ставшем их Фермопилами, они собирались повоевать.

- Патроны скоро закончатся, – крикнул Батрак. Первый откликнулся:
- Будем бить прикладами.

Они медленно отходили к двери, ведущей в зал с автоклавами, а мутанты продолжали напирать. Один из мимикримов прорвался через груды тел, нелепо растянулся на полу в коридоре и начал было подниматься, когда Первый подбежал к нему и что было сил саданул прикладом по голому черепу. Мутант вскинулся и обмяк. Второй удар пришелся в лоб мимикриму, пытавшемуся последовать примеру собрата.

– Сюда, живо! – позвал Батрак молодого сталкера и дёрнул дверь на себя, но стальная створка осталась недвижима.

Кто-то держал её с противоположной стороны.

– Второй, отопри дверь! – крикнул сталкер, понимая, что если они с Первым не войдут в зал, то мутанты сомнут их. Сомнут и опустошат, как бутылку с газировкой.

– Первый, твою мать! Ко мне!

Молодой анархист бегом пересёк зал и тоже вцепился в ручку двери, потянул на себя. Батрак тем временем выпустил в мутантов последние пули.

– Не поддаётся! – в панике взвизгнул парень. – Кто-то держит с той стороны.

Они потянули дверь вместе, но безуспешно. Тогда оба обернулись к мутантам, прорвавшимся в коридор, и приготовились к смерти.

На Первого налетели сразу два мимикрима. Один из них то и дело пропадал из виду, а потом вновь материализовывался из воздуха. Он и достал ловкого, крепкого парня, пока тот бил прикладом второго мутанта. Налетел и ударил здоровенной лапищей по шее, после чего сталкер внезапно сделался мягким и безвольным, словно плюшевая игрушка. Батрак, которого зажал в дальний угол матёрый мимикрим, видел всё происходящее, но спасти парня уже не мог – самому бы уцелеть. Выставив перед собой автомат, он пытался отеснить мутанта, тянущего к горлу жертвы свои ротовые присоски.

В последний момент, когда сил на сопротивление уже не оставалось, Батрак выпустил автомат и поднырнул под лапу мутанта. Мимикрим ткнулся мордой в угол, заворчал и начал медленно оборачиваться. Батрак тем временем прыгнул на один из столов, оттолкнулся ногами от лакированной поверхности, ухватился за висящие под сводчатым потолком скобы, оставшиеся после снятия оттуда артефакта «коловорот», подтянулся и зацепился ремнём за наиболее прочную стальную скобу. Внизу бесновались мутанты, подпрыгивали, сисясь достать человека, и достали бы, если бы не мешали друг другу.

Мимикримы успокоились минут через пятнадцать, когда у Батрака не осталось сил держаться наверху. Тогда дверь в зал с автоклавами открылась, и из него начали один за другим выходить люди. Сначала голый и мокрый крепыш из первой капсулы медленно, будто сонный, вошел в толпу мимикримов и тут же был сбит с ног. Потом показался Второй. Он тоже едва передвигал ногами, и Батрак понял – сталкер попал под воздействие какого-то мутанта. Быть может, вожак мимикримов обладал телепатическими способностями, или... На него накинудись оставшиеся мимикримы – четыре или пять. Третьим шел обитатель другого автоклава – молодой парень. Он шагнул в сторону от двери и вдруг ожил, взгляд приобрёл осмысленность. Внезапно поняв, где оказался, парень завопил, и мутанты, не занятые в трапезе, ринулись к нему.

Лишь после этого в основной зал вышли профессор Дугин и техник. Они словно не замечали мутантов, на их глазах разрывающих человеческую плоть и присасывающихся огромными ротовыми присосками-щупальцами к венам и артериям людей. Мутанты тоже не замечали странную парочку – так были увлечены поеданием своих жертв.

– Что с химерой? – спросил Дугин, когда они с техником вышли в центр полного мутантов зала.

– Север и Шалман погибли. «Белый дым» они принести не успели. Сбежала химера. Но она не вернётся...

– Не в том беда, – лицо Дугина вдруг сделалось хищным, острым, как у мутанта, – химера была важным козырем в моей беседе с Монголом. Это же его химера. Та самая, которую он спас прошлой зимой на Рубеже. Иванову столько сил стоило её поймать...

– Мы найдём другую, – тупо отозвался техник.

– Да не нужно другую... Где тот сталкер, который меня узнал?

– Его съели, наверное.

– Не хочу слышать твои «наверное»! – Дугин оскалился, – Никто не должен знать, что я жив. Никто.

Он запрокинул голову и увидел висящего под потолком человека.

– Здравствуйте, профессор, – только и сумел произнести Батрак перед тем, как у него заломило затылок и в голове раздался тихий, властный голос:

– Теперь ты мой... Пойдём в лагерь...

Глава 3

С утра в Зоне шел снег. Тяжелый, влажный, липнувший к одежде и оружию, и территория Зоны, которую в ясные дни можно было обозревать с наблюдательных вышек на многие километры, оказалась скрыта за белой стеной. А за стеной бетонной, на седьмом блокпосту Рубежа, где я когда-то начинал зеленым летёхой, сустились бойцы в кажущемся нелепым городском камуфляже.

Со стороны города Надеждинска, вплотную примыкавшего к стене, отделяющей Аномальную Зону от мира живых, подошли два бронетранспортёра на платформе «Армата» – хищные, с резкими гранями, новенькие, как натёртая бляха. Затем на территорию блокпоста влетел забугорного производства броневик. Непонятно почему, но офицеры Рубежа любили разезжать именно на таких – то ли французских, то ли немецких машинах и плевать хотели с высокой колокольни на более надёжные и проходимые «тигры». Но они – почти золотопогонники новой эпохи, им можно.

С брони ближайшего к блокпосту БТРа соскочили четверо бойцов в таком же, с иголочки, как и их броня, камуфляже. Бодро вбежали на территорию и обступили офицерский броневик.

– Итит твою мать... – усмехнулся командир пулемётного расчёта – длинный парень лет двадцати с лицом, густо обсыпанным веснушками, – это чёй-то за птица важная?

– Гусь с Рубежа, – поддакнул второй пулемётчик.

Тем временем на выскобленный до бетона двор влетел грузовик, из которого, как горох, сыпанули вооруженные люди. Вылез и названный гусем офицер – невысокий, мордатый, но с квадратной челюстью и громким басом. На Рубеже с некоторых пор громкий бас заменял офицерам знание военной тактики. Кричать они были горазды.

– Где командир «отметки»?! Вашу мать!.. Да я его!..

«Отметками» на Рубеже прозвали блокпосты. Неизвестно доподлинно, то ли солдаты начали их так называть, то ли офицеры, но «отметки» стали общеупотребительным понятием, как, впрочем, и «язвенники», которых сталкеры всегда звали зомби. Армейский сленг, ничего не попишешь.

Поругавшись для порядка, офицер дождался-таки командира блокпоста, о чём-то с ним переговорил и направился к основному корпусу, а спустя десять минут на кпк всем бойцам «упало» сообщение об общем сборе. Оставив часовых на постах, солдаты потянулись к зданию.

На первом этаже, в зале, громко названном «залом заседаний», уже «заседали» человек двадцать матёрых головорезов, приехавших с офицером.

Дождавшись, пока немногочисленный контингент «отметки» рассядется, командир блокпоста тоном профессионального конференсье объявил:

– Товарищи солдаты и офицеры, поприветствуем генерала Валерия Дмитриевича Стеценко.

По залу прокатился удивлённый шепоток. Прежде офицеры рангом выше майора на «отметку» не забредали, разве что после осеннего инцидента, когда в здании случилась перестрелка между сталкерами. После этого бывали и майоры, и полковники, громко кричали, топали ногами и в итоге усилили блокпост двадцатью пятью бойцами и двумя пулемётами. Генерал, к тому же заместитель руководителя Рубежа, навещал их впервые.

– В общем, так, мужики, – обведя взглядом бойцов, без предисловий начал офицер, – через два часа на «отметке» состоится встреча с информаторами из числа сталкеров. По личному распоряжению командования Рубежа вы должны в течении получаса погрузиться

в машины и покинуть «отметку». Все, включая старшего офицера. Через три часа личный состав блокпоста должен будет вернуться на свои позиции. Всем ясно? Вопросы есть?

– Можно? – вскинул руку конопатый пулемётчик.

Стеценко кивнул.

– Товарищ генерал, а кто будет осуществлять контроль над блокпостом в наше отсутствие.

– Другие бойцы, – генерал неискренне улыбнулся. – Пятнадцать минут вам на сборы, воины. Бегом!

Когда солдаты вышли, Стеценко ухватил командира блокпоста, капитана Калинина, за рукав:

– Останьтесь, капитан. Информатор вам знаком. Это Спам.

Бойцы в новеньком камуфляже, которые должны были заменить его солдат, явно не были простыми контрактниками, как большинство на Рубеже, – это Калинин понял, несколько минут понаблюдав за чёткими, скупыми движениями людей Стеценко, рассмотрев их экипировку.

– Почему мои солдаты не могут остаться? – спросил он, когда они со Стеценко вышли на улицу, под противный, липкий снег.

– Строгая секретность, – генерал пожал плечами, – готовится важная операция, никто не должен раскрыть личности наших информаторов.

Капитан поморщился:

– Странная схема секретности, товарищ генерал. Теперь мои ребята всем раструбят про вашу важную встречу.

– Пусть хоть каждому в Надеждинске расскажут, – усмехнулся генерал, – главное, чтобы не увидели Спاما и двух других гостей... А мои ребята будут молчать как рыбы. Я им за это и плачу.

Теперь всё встало на свои места – со Стеценко приехали вовсе не военные, а бойцы частной военной компании, которой прежде, до начала службы на рубеже, руководил Валерий Дмитриевич. Калинин помнил, какой разгорелся скандал, когда руководителем вновь созданной организации Рубежа стал легендарный генерал-майор Константин Заречный, прославившийся руководством ополченческими батальонами в одной из мятежных республик. Вдвойне шокированы были обыватели, когда в заместители себе Заречный позвал отставного офицера генштаба, подавшегося на вольные хлеба и создавшего частную военную компанию в Восточной Европе. Но эти двое вернулись в строй и возглавили сильнейшую военно-разведывательную организацию в мире, чтобы защищать этот самый мир от порождений Зоны.

– Всё сделано, – отрапортовал худощавый боец, подбежав к идущему через двор Стеценко, – камеры наблюдения отключены, глушилка поставлена, спутники нас не увидят, излучатель надёжно прикрыл.

Генерал кивнул.

– Вот что, капитан... – произнёс он тихо и вкрадчиво. – Побудь со мной, пока я буду говорить со сталкерами. В случае необходимости, разумеется, если сам считаешь нужным, убеди их сотрудничать. Это важно для всех. Ты поймёшь.

Вскоре к воротам блокпоста с внешней стороны подошли трое. Калинин и Стеценко наблюдали за ними с крыши основного корпуса.

Ворота открылись, и несколько автоматчиков обступили гостей. Спاما Калинин узнал сразу. С этим легендарным сталкером они когда-то пересекались в научном лагере, где Спам спас капитана от верной гибели, и не один раз.

– А двое других? – спросил Калинин, наблюдая в бинокль за тем, как пришельцев обыскивают с помощью металлоискателей.

– Дезертир Александр Журавлёв, он же сталкер Жура, – пояснил Стеценко, – и лидер «леших», сталкер Инквизитор, он же считающийся погибшим майор спецназа Косарев.

Калинин присвистнул.

– Вот-вот... Все трое, как ты понимаешь, у армейских не в фаворе. Косарева давно считали погибшим и пусть считают дальше, от этого всем только польза, Спама недолюбливают из-за того инцидента в научном лагере на Озере. Ну, а Журавлёва только ленивый не обвинял в атаке на этот блокпост прошлой осенью. Правда, на деле все трое – замечательные ребята и могут быть нам полезны. Идём, поможешь поддержать разговор.

С этими словами Стеценко принялся спускаться по внешней металлической лестнице, Калинин полез следом.

В здание они вошли, когда трое сталкеров уже сидели в удобных креслах офицерской комнаты.

Не утруждая себя приветствиями, Стеценко плюхнулся в крайнее и сообщил:

– Блокпост чист, если вы переживаете. Не работает ни единый жучок. Мои люди всё удачно глушат. Персонал также не помешает – все бойцы сейчас вне блокпоста. Так что разговор будет непростой, но уж точно конфиденциальный. Со мной пришел капитан Калинин, вы можете его помнить.

Сталкер Спам обернулся, увидел стоящего в дверях Калинина и махнул ему рукой.

– Я не люблю устраивать кипеш по пустякам, – продолжил Стеценко. – Найти вас в Зоне, собрать всех вместе и убедить прийти сюда было непросто. Но дело важное... Что вы слышали про секту «Ветер»?

Первым ответил на вопрос высокий, широкоплечий Инквизитор, он же Косарев:

– Полоумные изверги, которые едят человечину и зомбируют пленных, чтобы те становились такими же.

– В целом, верная характеристика, – кивнул Стеценко. – Вы все меня прекрасно знаете, так что не буду ходить вокруг да около... Нужно уничтожить секту. Ударить один раз, но так, чтобы ни одна гадина не убежала.

– И ты предлагаешь... – Инквизитор хмыкнул.

– Прошу. Их должны уничтожить сталкеры, чтобы Рубеж был ни при чём.

– А что вдруг? – удивился сталкер Жура. – Раньше военсталкеры много операций в Зоне проводили.

– Ключевое слово – «раньше»... После осенней бойни на блокпосту, когда сталкеры схлестнулись между собой, а попутно поубивали военных и мирных жителей, военные сталкеры – вне закона. Теперь я не могу отправлять их или своих людей и ЧВК на операции в Зону. Строго следят. Комитет матерей там, руководство из Москвы. Если хотя бы один человек погибнет в Зоне – всё, это будет для меня последний день в должности руководителя оперативной части Рубежа.

– И вы хотите руками сталкеров уничтожить секту? – уточнил Спам.

– А что? Вы всё равно рано или поздно их прищучите. Лучше, чтобы рано. Я передам разведданные, выдам необходимое снаряжение безвозмездно. Только убейте их. Эти твари уже переполошили всех. Недавно один из «ветровцев» забрался на двенадцатый блокпост и попытался загрызть часового. Порвал парню сонную артерию, едва спасли.

– Разведданные от этого сектанта? – зло усмехнулся догадливый Спам.

– От него. Мы его били-то не сильно. Так, током пару раз шваркнули, чтобы подливка потекла, он всё и выложил: про их лагерь, про лидера своего – Грешника. Ну, так как? Берётесь?

Сталкеры молчали, переглядывались.

Калинин, стоявший до этого момента истуканом, понял, что настала его очередь говорить:

– Мужики, эти сектанты – беда для всех. Кроме вас, их никто не уничтожит. Вы же герои, парни...

Первым рассмеялся Инквизитор, за ним – Спам. Ничего не понявший сталкер Жура лишь кивнул:

– Хорошо...

Так начинаются большие путешествия и судьбоносные события. Ты говоришь «хорошо», и маховик раскручивается, события нанизываются одно к одному на нить твоей судьбы, случайности оказываются скрытыми закономерностями. Я – сталкер Жура, в прошлом военный сталкер, капитан Александр Журавлёв, а ныне – дезертир, обвиняемый в гибели многих хороших людей. Минувший год для меня явно не задался. Весь он, с появления в моей жизни профессора Анатолия Шилова с идеей пойти «туда, не знаю, куда» на поиски легендарного «Скорбящего Камня», до сегодняшнего «хорошо» был наполнен событиями – порой горькими, порой страшными и почти никогда – радостными.

Если вкратце, то я облажался во всём, в чём только мог облажаться. Любить вашу душу! Профессор Шилов, с которым мы отправились на поиски «Скорбящего Камня», погиб, а вместе с ним – мои друзья, отряд военных сталкеров, с которыми я бок о бок бился с мутантами и сектантами, лез через аномалии. Умер и друг юности Мишка Верещагин. Умер страшно.

И все они отправились на тот свет по моей вине. Разумеется, я не жал на спусковой крючок, чтобы мозги Верещагина расплескались по маленькой кухоньке, не толкал под пули профессора Шилова. Я лишь настырно шел к благородной, казалось, цели. «Зла в мире много, потому что большинство плохих поступков совершают хорошие люди, уверенные, что поступают во благо» – так сказал мне мутант Моро, живущий на болотах. Мутант! Он понимал подлую сущность человека многим лучше, чем сами люди.

Я же, как слепой котёнок, старался поступать правильно, не считаясь со средствами. Порой средством к достижению цели были людские жизни, которыми я жертвовал легко, не задумываясь. Чего же я добился?

Когда сталкер Инквизитор вывозил меня из-под обстрела в крайний – «последний» говорить не принято – раз, я поклялся, что отныне главным мерилом для меня станет человеческая жизнь. Если я могу спасти человеческие жизни, то сделаю всё, что требуется. Если же могут погибнуть люди – подумаю и, скорее всего, откажусь от этой затеи.

Когда люди генерала Стеценко нашли меня в лагере группировки «Пепел», а вместе со мной – двух легендарных сталкеров, Спада и Монгола, я испугался. Испугался, что меня в очередной раз обвинят в дезертирстве, в гибели боевых товарищей. Но генерал оказался умнее или же хитрее, чем я предполагал. Он – я в это верил – понял, что военный сталкер капитан Журавлёв ни в чём не виноват и бежал в Зону, скрываясь не от военных, а от загадочных Хозяев.

– У генерала есть к тебе разговор, – сказал пришедший в лагерь человек.

Он назначил встречу, на которую пригласил меня, сталкера Спада и лидера «леших» Инквизитора.

– Это может быть подстава, – прокомментировал тогда происходящее Монгол, легендарный сталкер с почти животным чутьём. – Военные могут попытаться поймать Журу таким образом, а вместе с ним Инка, который наверняка засветился на камерах видеонаблюдения, когда вытаскивал парня с блокпоста.

Решили подстраховаться. Монгол и трое парней Инквизитора – Грызун, Фрегат и Хорёк – ждали нас у бетонного забора Рубежа, предварительно заложив у стены мощный фугас. В том случае, если бы нас всё же взяли, прогремел бы взрыв. Военным оказалось бы не до пленников, поднялась бы суматоха, в которой... Да кого мы обманывали? Если бы нас

схватили, не было бы никаких шансов выбраться, но Стеценко оказался человеком слова, и наша встреча прошла честно и доверительно.

– Хорошо, – сказал я тогда.

– А почему нет... – кивнул Спам, и лишь Инквизитор долго молчал, глядя то на Стеценко, то на капитана Калинина, который, как я потом узнал, был хорошо знаком со Спамом, но своими внезапными репликами ничуть не убедил Инка.

– Какая выгода военным от того, что не станет секты? – наконец выдал «леший».

– Я отчитаюсь, что сталкеры провели операцию под моим руководством, – улыбнулся Стеценко. – Вы же хотели правду знать?

– Где находится их база и сколько там человек?

– Территория бывших складов посёлка Счастливого недалеко от Озера. Это место, где ты до появления Зоны тренировал свой спецназ, Лёня.

Инквизитор от такого обращения переменился в лице:

– Хорошо, Валера, – проскрипел он, стараясь оставаться невозмутимым. – Только в память о нашей дружбе.

– И о нашем покойном друге Косареве.

– С вас экипировка на семерых, разведданные, – поняв всё, заявил Инк.

Генерал согласно кивнул:

– Капитан Калинин вам выдаст.

Когда мы выходили с территории блокпоста, провожаемые настороженными взглядами солдат, генерал вдруг хлопнул грозного Инквизитора по плечу, и я расслышал: «Я рад, что ты жив, Лёня. Лучшая новость за последние месяцы».

Обещанные разведданные не обрадовали, скорее озадачили. Их оказалось так мало, что те из нас, кто был знаком со спецификой работы разведки Рубежа, засомневались в их достоверности. Если Стеценко и впрямь вёл разработку секты, то у него должно было оказаться на руках много больше, чем тоненькая папка-скоросшиватель с семнадцатью страницами текста.

– А что мы знаем о секте? – спросил Спам, когда я высказал свои сомнения. – Да ничего не знаем. Разве что наслышаны, мол, живут не遠деке сектанты, которые поклоняются Матери-Зоне, едят человечину и мучают пленников, заставляя жрать себе подобных. Но и об этом мы не узнали бы, не встретиться мы со сталкером Зверем.

И я сдался. Ладно, пусть так. Пусть разведка Рубежа работает из рук вон плохо, а Стеценко хочет нашими руками вытащить из огня все каштаны. Пусть. Главное – чтобы переданная информация не оказалась пустышкой. Укреплённый лагерь, десять-пятнадцать сектантов с лёгким стрелковым вооружением – вот и весь расклад, не считая координат объекта.

Экипировку Инквизитор содрал с вояк знатную. Себе – новенький экзоскелет из лёгких сплавов, в котором мог при желании даже немного пробежаться. Остальные получили бронежилеты, камуфляж и даже термобельё по размерам, дотошно записанным Инком.

– Я уже не в первый раз вот так собираю с людей оружие и обмундирование, обещая отдать, – втискиваясь в узкие штаны с прорезиненными вставками, сообщил Монгол.

Его, смурного и непредсказуемого, наш немногочисленный отряд единогласно выбрал командиром, даже опытейший Инквизитор согласно кивнул:

– Правильно, Монгол – лучшая кандидатура.

Выдвигаться решили на следующее же утро. Зачем оттягивать неизбежное? Перед выходом Хусаинов завел привычное для него: «Парни, уходите сейчас, если не уверены, что оно вам надо». Сталкеры лишь нервно рассмеялись. Я понимал, почему идут многие из них. Не все, но многие. Монгола задевал тот факт, что на земле существуют подобные «ветровцам» мрази, Инк тоже был «романтиком с автоматом» и стремился избавить мир от зла. Хорёк верным оруженосцем всюду следовал за Инком. С Грызуном тоже всё было более-

менее понятно, он несколько месяцев назад струсил и не выполнил приказ Инквизитора, в чём теперь раскаивался и старался искупить вину. Фрегата и Спама я не понимал совершенно. Зачем им всё это? Предполагал, что вечно насвистывающему песенку «Паранойя» Фрегату попросту было нечем заняться и он искал развлечение на грани. А Спам? До знакомства с ним я и подумать не мог, что это и есть легендарный сталкер, нашедший проход на Проклятую Топь, считавшуюся в сталкерской среде практически мифом. Там, на Топи, они с Монголом на пару разделали под орех так называемых Хозяев, некую тайную группировку, которая, собственно, теперь мстила нам всем. Если бы я не знал о заслугах Спама, то решил бы, что он – типичный неудачник, худощавый, вечно подслеповато щурящийся. Что ему делать в нашей компании? Но внешность обманчива, к тому же я был искренне рад, что он оказался с нами в этом непростом рейде.

Карта, составленная людьми генерала Стеценко, позволила понять, где же находится лагерь секты и почему сталкеры за годы существования этого братства умалишенных не изничтожили сектантов. Как оказалось, секта обосновалась недалеко от посёлка Радостный, разрушенного через несколько недель после образования Зоны. Посёлок давно зарос молодыми деревцами, которые за девять лет вымахали так, словно прошло двадцать. В этот лес, где меж деревьев иногда попадались руины домов разбомбленного военными посёлка, сталкеры старались не соваться. Слишком жутко меж старых сосен и крепких молодых ёлочек, клёнов и берёз смотрелись полуразвалившиеся, почерневшие от давнего пожара руины посёлка. Сектанты оказались не столь пугливы, а потому без проблем заняли территорию бывших складов, располагающуюся в нескольких километрах от уничтоженного посёлка, глубоко в лесу.

– От объекта, – сообщил капитан Калинин, принесший нам разведданные, – идёт широкая просека. Разведка, как я понял, предполагала, что просека – дело рук сектантов...

– То есть сектанты её проложили?

– Просека появилась до появления Зоны, а позже не зарастала из-за аномалий, – пояснил Калинин, – так что даже не думайте подходить с той стороны. Лучше всего подобраться со стороны леса.

Монгол принял карту из рук капитана, долго рассматривал, потом ткнул в красную точку с надписью «Д.С.»:

– Это что такое?

– Детский садик. – Калинин покопался в папке с бумагами и выудил оттуда несколько фотографий, сделанных, по-видимому, до появления Зоны. – Садик был в стороне от посёлка, в лесочке, поэтому уцелел.

– Правда, когда образовалась Зона и первые зомби попёрли в посёлок Радостный, находившиеся там дети погибли вместе с воспитателями, – сообщил молчавший до этого Грызун.

Калинин кивнул:

– Да, страшные были события... Об этом, кстати, в книжке потом написали... Как там она? «Зона, как она есть» вроде.

Мы переглянулись. Книга, о которой говорил Калинин, с некоторых пор была самой читаемой и обсуждаемой в окрестностях Зоны. В ней некий писатель по фамилии Шаров рассказывал о том, как появилась Зона, как бежали люди из посёлка Радостного и как маленький посёлок Надеждинск стал форпостом защитников здешних земель, разросся до города. Противно было, что писатель Шаров не имел о Зоне совершенно никакого представления. Суть сталкерской жизни он видел в романтических приключениях, и благодаря этому гореписаке, весьма убедительному, кстати, множество молодых парней и девушек кинулись в Зону на поиски лучшей жизни. Большинство из них, конечно же, погибли, но писатель Шаров сделал своё грязное дело, заработал деньги на проданных экземплярах книги и растворился, исчез.

– В общем, здание детского сада может использоваться сектантами в качестве опорного пункта. Меньше часа хода до базы, в глуши... Так что и его проверьте.

– Мы с этой стороны и зайдём, – кивнул Монгол. – По поводу территории складов есть точные данные – какие там постройки, укрытия и прочее?

– Не густо, – Калинин вновь покопался в папке с документами, извлёк очередную фотографию. На снимке с эмблемой социальной сети «Однокурсники» в правом нижнем углу был изображен мужик в рабочей одежде.

– Это взято из соцсетей. Снимок сделан до появления Зоны, и он единственный, на котором вы можете увидеть, что там было.

– Вот тут... – он ткнул пальцем за правое плечо сфотографированного мужика, – виден забор. Высота метра два с половиной, может, и меньше. Стандартные плиты. А здесь, – палец переместился влево, – можно увидеть два корпуса. Первый – одноэтажный, большой, скорее всего, там располагались складские помещения, разбитые на отдельные секции. Второй, тот, что ближе, – ангарного типа. Он виден на снимке плохо, но здание очень большое. Собственно, это всё, что я могу вам рассказать.

– Тоже мне, разведка, – презрительно фыркнул Фрегат, – две фотографии из «Однокурсников» и пара листков с предположениями: сектанты, возможно, там, они, возможно, едят людей.

Калинин ничего не ответил, лишь пожал плечами. А Инквизитор подвёл итог:

– Лучше, чем ничего.

К ночи снег прекратился, и когда мы выдвинулись с базы группировки «Пепел», небо было ясное, светила луна, и если запрокинуть голову, можно было считать звёзды до самого утра – так хорошо они были видны.

– Это к морозу, – шмыгая носом, прокомментировал Фрегат. – Сука, уже холодно...

Когда зарумянился рассвет, наткнулись на мутантов-мимикринов, голые тела которых были не приучены к морозу. Тощие, серые фигуры тряслись от холода. Измождённые существа метнулись к нам через глубокий снег, яростно рыча, но Хорёк ловко вскинул свой «Винторез» и одного за другим уложил всех троих. Лучший следопыт и снайпер зоны, как-никак.

– Зима всё-таки – хорошее время, – пояснил следопыт, вешая винтовку на плечо, – половина мутантов передохнет от мороза, вторую половину мы перещёлкаем. Они ведь на холоде медленными становятся, уязвимыми. В снегу увязают.

Фрегат, идущий рядом, хмыкнул:

– Мы тоже.

И Хорёк замолчал, поняв, что сталкер прав – люди в тёплой одежде, бредущие по снегу, – идеальные мишени, неповоротливые, замёрзшие.

– Вот в позапрошлом году зимой было минус два, – принялся вспоминать Грызун. – Помнишь, Инк?

Лидер «леших» буркнул что-то невразумительное.

– А теперь... – не унимался сталкер, – вторую зиму холодрыга. Может, Зона нас всех хочет заморозить до смерти?

Ему не ответили. Каждый думал о своём, готовясь к неминуемой перестрелке с сектантами. Наверняка многим хотелось развернуться и уйти прочь, в тёплый бар «пепловцев», где лысоватый бармен нальёт беленькой и поставит на стол тарелку с нарезанным салом, зубчиками чеснока, а рядом – маленькую плошку с горчицей. Мне, во всяком случае, очень хотелось обратно. В порыве радостной злости я вместе со всеми рванул разбираться с сектантами, но теперь радость поутихла, здравые мысли требовали возвращаться и жить. Мне было страшно.

Страх и тревога – два идущих рука об руку чувства – усилились, когда мы вышли к опушке могучего соснового леса. Где-то справа – территория могильника, слева – Озеро,

прихваченное ледком с закраек, с вязкой водой и снежно-ледяной кашицей на поверхности. Направо пойдёшь – коня потеряешь... Лучше уж направо или налево, чем вперёд, туда, где я в бытность свою сталкером не был ни разу.

– Внимание, мужики, – Монгол, идущий первым, развернулся к группе, – сейчас каждый наденет гарнитуру для связи. Переговариваемся чётко, без разглагольствований Грызуна и шуточек Фрегата. Ясно?.. Лес тянется километров на пятнадцать. Мы могли бы обойти, но я понятия не имею, как пройти через аномальные поля справа, а слева, по взявшемуся льдом болотцу, опасно вдвойне, провалишься – и камнем на дно бочага. К тому же с Озера может поползти всякая гадость, вроде блуждающих «трамплинов». Поэтому идём через лес. К зданию детского сада мы должны выйти к вечеру. Идём аккуратно, когда стемнеет, фонари закрываем светофильтрами. Аномалий в лесу полно, так что у каждого на запястье должен быть закреплён детектор аномалий. Ясно?

Мы согласно закивали, и Монгол махнул рукой, сигнализируя о начале движения.

В лесу оказалось намного теплее. Ветер, пронизывавший нас на открытой местности, не мог пробиться через густо сплетённые, залепленные влажным снегом кроны сосен, расшибался о часто стоящие стволы. Снега здесь оказалось немного – едва по щиколотку, потому идти было не так тяжело, как предполагали. Большую часть пути преодолели до полудня.

Аномалии нам не встретились ни разу. Около четырёх часов набрели на медвежью берлогу. Хорёк и Инквизитор жестами показали, что лучше обойти медвежью спальню по дуге.

– Любить вашу душу... Всегда думал, в Зоне нет медведей, – изумился я.

– А куда они денутся?

– Ну, не знаю, – пожал я плечами, – может, мутанты всех съели.

– Зайцев съели, – подтвердил Хорёк, – глухарей всех сожрали ещё прошлой зимой, а медведи, волки и лисы остались. Оленей, кстати, ещё много в этих лесах и лосей.

– Мимикримы их не трогают?

– Мимикримы вообще только человеческой кровью питаются или свиной. Кабанов они ловят и пьют.

Я поёжился.

– А псевдопсы?

– Эти всё, что движется, готовы сожрать, но в лес редко забираются, – махнул рукой Хорёк, – в основном в могильнике и в заброшенных деревнях живут. Это же мутировавшие собаки, они к дому тянутся, хоть их предки и одичали в Зоне. К тому же олень или лось для них – слишком большая добыча.

Слушать Хорька можно было бесконечно. Он говорил о Зоне увлекательно и ярко. За месяцы, прошедшие с памятной перестрелки на блокпосту, мы со сталкером сдружились, и он частенько рассказывал мне о повадках мутантов, о сталкерских кланах. Рассказывал то, что я за годы сталкерства и службы военсталом не смог узнать. Теперь же – новое открытие.

Миновав берлогу, мы ещё несколько часов шли через лес, пока в сумерках не различили впереди ржавый забор из панцирной сетки.

– Пришли, – послышался в наушнике голос Монгола. – Это детский сад. Мы со Спамом заходим слева, Инквизитор, Грызун и Фрегат идут прямо через территорию, Жура и Хорёк обходят справа. Действуем.

Монгол с момента нашего знакомства поражал меня своей проницательностью. Он прекрасно разбирался в людях и, командуя группой, мог без труда разбить её на боеспособные пары и тройки.

Мы со следопытом двинулись вдоль забора, забирая вправо. Территория детского сада оказалась внушительной. Минут десять мы шли вдоль забора, пока не увидели несколько поваленных пролётов.

– Здесь пройдем внутрь, – указал на пролом Хорёк.

Мы ловко пробрались на территорию, обнаружив сразу за забором несколько почерневших от времени, в струпьях облупившейся краски, домиков-беседок.

Следопыт первым двинулся через двор, и это спасло нас обоих, когда с крыши ближайшей беседки на него обрушилось нечто чёрное, бесформенное. Сталкер успел отскочить в сторону, а я – вскинуть автомат. Правда, нажать на спусковой крючок не успел. Слишком быстро напавшее на Хорька существо метнулось в мою сторону, ухватилось за ствол автомата и вывернуло оружие из моих рук.

По старой привычке рука тут же нащупала на поясе ножны с новеньким «Смершем», и я порадовался, что Инквизитор попросил у генерала Стеценко полную экипировку. Когда существо с рычанием набросилось на меня и повалило на снег, я дважды ударил его «Смершем» и скинул с себя. Разбираться, что за чудовище это было, времени не оставалось. В наступающей полутьме я увидел, как Хорёк сцепился со вторым таким же, чёрным, скомканным, и поспешил на выручку товарищу.

Кем бы или чем бы ни было это существо, оно оказалось облачено в чёрный бесформенный балахон. Когда Хорёк ударил нападавшего лбом в переносицу, с того слетел капюшон, и я увидел наголо обриту голову. Всё же человек...

Подскочил сзади, примерился и ткнул «Смершем» в середину широкой спины. Нож царапнул обо что-то твёрдое, металлическое, судя по звуку, и соскользнул. Я попытался ударить вновь, но лысый развернулся и кинул Хорька, будто пуховую подушку, в мою сторону. Мы оба повалились в снег, и я в последний момент успел убрать нож, чтобы напарник не напоролся на него.

Только теперь мы оба смогли разглядеть нападавшего. Это был человек, мужчина лет пятидесяти, высокий, крепкий, с блестящей лысиной и лицом, густо заросшим мелким тёмным волосом.

– Матерь-Зона сказала: убей! – рявкнул он и кинулся на нас.

Я откатился в сторону, а Хорёк встретил лысого ударом ноги в живот. Секундой позже туда же вонзился мой нож, вспарывая ткань и плоть.

Когда Инк, Грызун и Фрегат прибежали на звуки борьбы, всё было кончено. Два покойника в чёрных балахонах лежали на снегу возле беседки.

– Сектанты, – тут же определил Инквизитор. – Кто их резал?

Я поднял дрожащую руку с ножом, с которого ещё стекала кровь.

– Молодец, парень, сориентировался, – похвалил лидер «леших». – А ты, Хорёк, теряешь форму. Раньше бы обоих уработал ещё на расстоянии.

– Расслабился, – пожал плечами следопыт, – я просто увидел на снегу следы, женские, и завис на пару секунд, размышляя, глюки у меня или нет, а потом один из этих, – он указал на мертвецов, – сверху спрыгнул.

– Глючит, – хохотнул Фрегат, – откуда тут бабе взяться? У тебя это самое, спермотоксикоз, наверное, – и захохотал вновь.

Хорёк не отвечал, глядя на залитый кровью, истоптанный снег:

– Вот же следы. Тридцать восьмой размер, не больше...

Потом включил фонарь и направил его голубоватый луч в утробу беседки. Мы ахнули от неожиданности.

Девушка в лёгком камуфляже, с растрёпанными, прилипшими к щекам и лбу белокурыми волосами, сидела, забившись в дальний угол беседки.

– Ты кто такая? – первым шагнул в её сторону Фрегат.

Девушка мелко тряслась, всхлипывала, а когда увидела, что сталкер приближается к ней, и вовсе сжалась в комок и заскулила.

– Эй, девочка, мы тебе не причиним никакого вреда, – примирительно выставив перед собой открытые ладони, проговорил Инк. – Мужики, отойдите, видите же, она в шоке. Уберите оружие...

Он аккуратно подошел к беседке, положил руки ладонями вверх на перила и внимательно посмотрел на девушку:

– Я – Инквизитор. Слышала про меня?

– Ну да, бля, а он её не напугает, – Фрегат шмыгнул носом. – Я, говорит, Инквизитор...

– Слы... Слышала.

– Вот и хорошо... Эти ребята со мной. Сектанты мертвы, мы тебя вытащим отсюда.

Хорошо?

Девушка вновь кивнула.

– Иди к нам, – Инк поманил незнакомку к себе. – Как тебя зовут?

– Вика, – она всхлипнула. – Но в Зоне меня называли Белкой.

Заметив, что на его призыв выйти из беседки новая знакомая не реагирует, сталкер сам шагнул к ней.

– В корпусе чисто, – послышался в наушнике голос Монгола, – что у вас?

– У нас тут двое дохлых секунов, – отозвался за всех Фрегат в своей злой, ироничной манере, – и девка какая-то.

Инк тем временем подошел к девушке почти вплотную, протянул ей руку:

– Всё закончилось, мы тебе поможем... Идём с нами.

И она, немного помешкав, вложила свою узкую, холодную ладонь в его изрытую мозолями ручищу.

Часом позже, сидя в здании садика с кружкой горячего чая, Вика рассказала, как её и двух молодых сталкеров поймали сектанты, как посадили всех троих в какой-то подвал. Там они просидели без еды и воды больше суток. А потом один из сектантов сказал, что девчонка не нужна и её стоит убить, но не в лагере, чтобы не осквернять землю, а дальше, в лесу. Двое в балахонах подхватили испуганную пленницу и повели.

– Куда они тебя вели? – спросил Инк.

– Уби... – девушка всхлипнула вновь, – уби-вать...

Начали расспрашивать о том, какие здания находятся на территории складов, и благодарная, отходящая от испуга девушка рассказывала. Об одноэтажной казарме, об огромном, похожем на ангар здании, где сектанты жгли огромные ритуальные костры, о небольшом одноэтажном пристрое к ангару, где и находился подвал с её собратьями по несчастью, пленниками.

– Сколько там сектантов?

– Человек двадцать, – пожала плечами Вика.

Мы переглянулись. Двадцать – это много. Двадцать – это слишком много для того, чтобы надеяться изничтожить их столь малой группой.

– Двадцать – это много, – озвучил общую мысль Монгол, – давайте немного отдохнём, а потом будем решать, что делать дальше.

– Идти вперёд, – оскалился Фрегат, – нам что двое сектантов, что двадцать, всё одно.

– Тебе, дурачку, может быть, – парировал Монгол. – Нужно хорошенько подумать, прежде чем принимать решение. Всё, отдыхаем! Караульным будет Спам, его сменит Хорёк, потом я.

Глава 4

Зона вновь собрала нас вместе, совсем как минувшей осенью, на Болотах. Тогда мы сидели на кухне в доме Болотника – злые, напряженные, готовые вцепиться друг другу в горло. Но за два месяца изменилось многое. Прежние соперники и враги объединились ради общей цели.

Я стоял на крыше кирпичной двухэтажки – основного корпуса заброшенного детского сада. Когда-то сюда привозили своих детишек жители посёлка с позитивным названием Радостный. Теперь вокруг на два десятка километров – Зона, а подросшие детишки ходят в школу другого посёлка Радостного, возведённого за пределами Зоны после катастрофы. Если называть отпрысков именами умерших родственников считается плохой приметой, то называть новообретённый дом именем почившего посёлка – в порядке вещей.

В руках я крутил измятую сигарету. Не курил с детства, когда втроём с пацанами, Пашкой и Никитой, дымили стащенной у соседа «Примой». Даже в Зоне, когда на моих глазах истёк кровью сослуживец, курить не стал. Вовку, фамилию которого, хоть убей, не вспомню, я держал под скулы, чтобы голова не заваливалась набок, а старшина зашивал распоротое горло.

– Как его зовут?

– Вова...

И медик похлопывал побледневшего, обмякшего бойца по щеке:

– Вова, сынок... Посмотри на меня... не закрывай глаза... мужики, говорите с ним. Он должен находиться в сознании.

Уже потом, когда врач поднялся с колен и прохрипел: «Всё, кабздец», мне предложили сигарету. Принял трясущимися пальцами, пачкая в крови Вовки тонкую папиросную бумагу. Тогда не закурил.

Теперь же, разбуженный посреди ночи мучительным кошмаром, жевал сигарету, шарил по карманам в поисках спичек. Их не было. Да и пачка «Кубанских» служила лишь для успокоения нервов.

Мне приснился погибший осенью учёный, профессор Анатолий Шилов. Мутная была история... Сначала я вёл Шилова к одному из многочисленных строений, расположенных у Мёртвого озера, такому же ничейному, обросшему мхом, как здание бывшего детсада, потом оставил умирать. Почему так поступил – отдельная история. Шилов тогда выжил, и мы встретились в доме Болотника. Я повинился, он простил, но осадок остался, тем более что за короткий срок, предавая друг друга – ладно, что уж там, предавал лишь я, – парадоксальным образом сдружились. Один из заместителей Хозяев, подлый старикашка Кривошеев, убил Шилова на моих глазах. Прострелил ему голову из огромного хромированного револьвера. Так просто и без сожаления лишил жизни человека, у которого остались жена, трое детей и собака по кличке Шкет...

Во сне Анатолий сидел, привалившись к стене полупустого здания блокпоста. Горло его было разорвано.

– Как его зовут? – звенел чей-то голос.

– Анатолий... – отвечал я.

– Говори с ним, он должен оставаться в сознании.

Тщетно пытался зажать рану, из которой фонтаном била кровь.

– Я не умру, Александр, – на удивление внятно говорил Шилов, – не могу умереть, мне ведь только весной будет сорок. Я так много ещё не сделал... Старший сын только пошел в первый класс, я хочу видеть, как он получит аттестат, как влюбится, женится, как у него появятся свои дети. Я хочу услышать, как средняя дочурка скажет первое слово. У неё с этим

проблемы. Два года скоро, а девочка не говорит. Врачи успокаивают, мол, такое бывает, и ребёнок нормальный, но мне страшно... А младшая, Александр, только не смейтесь, уже что-то лопочет. Её недавно из роддома забирали, а она пробует говорить. Вся в папку. Я тоже рано начал... Правда, жена сказала, что я нафантазировал себе, что ребёнок не может ничего произнести в трёхмесячном возрасте... Жена... Её зовут Надя. Мы познакомились, вы не поверите, Александр, в Сирии. Я работал там какое-то время, помогал восстанавливать медицину страны после известных событий. А она служила медсестрой в военном госпитале. Это судьба... Я не могу умереть. Я хочу видеть, как она постареет, как поседеют её волосы, выцветут её глаза. Странно, наверное, такое слышать, но я хочу прожить с ней всю жизнь... Мне нельзя сейчас... Александр, мне нель...

Я тупо смотрел на него, произносящего свой страшный и трогательный монолог, а потом вдруг услышал: «Всё, кабздец». И сон прервался, будто фильм, последнюю сцену которого смяли бегущие в атаку безукоризненно ровные шеренги титров.

А ведь Шилов погиб из-за меня. Пошел за мной, как телок на веревочке, и был убит. Мёртв и друг юности Верещагин, и Саньч, и Кондрат...

Зона, ты отняла их у меня. Всех...

Тихо поскрипывали ржавые петли ведущей на крышу двери, мерно ударяла о стену захватанная сотнями рук латунная ручка. Дом жил своей, непонятной человеку жизнью. По этажам бродили сквозняки, свистели, стучали, завывали в длинных, захламлённых коридорах, а где-то на первом этаже покачивалась старая детская игрушка «ванька-встанька».

Фрегат появился рядом со мной так неожиданно, что я вздрогнул, разжал пальцы, и сигарета полетела вниз, в промозглую, сырую ночь, где влажно блестели крыши детских грибочков, арматурные скелеты качелей.

– Не спится? – сталкер присел рядом на край крыши, свесив ноги.

– Кошмары снятся.

Фрегат понимающе хмыкнул.

– Мне тоже снятся, – он запустил руку в карман штормовки, достал горсть семечек и предложил мне. Я отказался.

– Несколько раз снился Максим Зверев. Будто мы с Инком нагнали его в доме Болотника, схлестнулись в рукопашной. Он, значит, меня за горло схватил, аж воздуха нет вдохнуть. Всё, думаю, кранты.

– И что?

– Ничего. Просыпался каждый раз на этом моменте. Причём у Зверя одни и те же приёмчики в каждом сне, захваты одинаковые. Если разучить, в следующем сне я его, суку, заломаю.

Я усмехнулся. «Пепловцу», а может, теперь и «лешему», удалось разрядить обстановку. Стало не так муторно на душе.

– Я подумываю бухать начать, – вдруг, как бы между прочим, сказал я.

Фрегат скривился.

– Ты либо бухаешь, либо нет. Тут «подумывать» нельзя. Да и вообще – дурак ты, солдатик.

– Мне мутанты, которые у Болотника живут, сказали, что мёртвые за мной идут.

– Ага, а мне они сказали ссать против ветра, но я же их не слушаю, – Фрегат засмеялся до глухого посвиста. – Я чё пришел-то... По поводу Белки. Ты ей веришь?

– А почему нет? – поинтересовался я, пытаюсь различить в темноте черты лица собеседника, но в свете далёкого нарождающегося месяца виднелся только острый силуэт.

– Я вот что думаю, солдатик, – сталкер лихо цокнул языком, – всё слишком гладко и сладко. Мы искали ниточку к этой мрази – Иванову, и тут вдруг девица красная.

Я не ответил. Сомневался, мешкал. Девушка и впрямь появилась как по заказу, но, как говаривал Болотник, в Зоне совпадения происходят всё чаще, и это норма, потому что совпадения – не совпадения вовсе, а скрытые, непонятные нам закономерности высшего порядка.

– Ты слышал вообще, о чем я говорю?

– Сколько у нас стволов? – ответил я вопросом на вопрос.

Фрегат покосился на меня, неприятно осклабился:

– Неугомонный ты, солдатик... Прямо как Инк. Он тоже с шилом в заднице.

– Людей сколько?

– Ну, допустим, мы с тобой, Инк, Хорёк, Грызун. Может, те двое – Спам и Монгол. Не факт, что все согласятся. И всё равно нас мало.

Помолчали.

– Инк – идеалист, – от наигранной весёлости в тоне сталкера не осталось и следа. – Он поклялся Зону от всякого отребья избавить и мутантов извести. Не позволяй ему тобой командовать, а то, не ровен час, встанешь под знамёна «леших» и побежишь с голым задом на пулемёты.

– А ты разве не с «лешими»?

– Я сам по себе, – сталкер пожал плечами. – Просто сейчас – по пути с «лешими», потом, может, вернусь в «Пепел». Или не вернусь... После той заварухи на блокпосту меня не хотят в кланах видеть. Боятся Хозяев. А то вдруг эти черти решат меня завалить и полклана в придачу перещёлкают. Ты, главное, Инка особо не слушай, вот я о чем. И про девчулю-красотулю подумай.

– Инка не слушать, девке не верить... Паранойя у тебя.

Сталкер обиженно фыркнул:

– Поживи в Зоне с моё... Тут такой мерзости хватает, от которой волосы на правом яйце дыбом встают. Надо ожидать чего угодно.

Я достал из пачки очередную сигарету, поднёс фильтр к губам.

– А ты проверь эту деваху, – вдруг предложил я.

– Как? Сказать: признавайся, милая, ты не настоящая?

Мы оба задумались, потом Фрегат предложил:

– Я могу сказать, что раскусил её и хочу работать на Иванова. Но если она согласится нас с ним свести, то я и правда уйду работать к Хозяевам, – он вновь рассмеялся, на этот раз вполне искренне.

Шутил он или говорил правду, я так и не понял. Фрегат спустился вниз, а я долго ещё сидел на крыше, глядя в чёрную бездну ночной Зоны. Так и не закурил.

Наверняка прежде, до появления аномальной жути, здесь дежурил пожилой сторож. Ходил себе с берданкой меж качелей и пугал перебравшихся через забор целующихся подростков и едва живых наркоманов. Теперь нет ни посёлка, ни сторожа. И если от двухэтажки уцелело хоть что-то, то посёлок Радостный сровняли с землёй ещё в первые недели существования Зоны, засыпая фосфорными бомбами занятые нежитью кварталы. А садик устоял. Быть может, для того, чтобы сегодня здесь заночевал наш отряд.

Я взглянул вниз. У входа в корпус о чём-то негромко разговаривали Белка и Фрегат. Наконец, сталкер взял спасённую девушку под руку и повёл в темноту. Там, укрывшись от посторонних глаз, они ещё какое-то время перешептывались.

– Как ты узнал? – яростно шептала Белка. – Кто-нибудь ещё в курсе?

– Догадался, – довольный внезапной удачей, расплылся в улыбке Фрегат. – Знаю только я.

– Сдашь меня?

– Кому? Инку? Или Монголу? Не знаю, кто хуже... Первый тебя убьёт точно. Второй сперва долго будет пытаться, а потом... убьёт.

– Значит, сдашь, – Белка села на ржавую металлическую скамью, смахнув с неё снег и пожухлые листья, запрокинула голову, – неубедительная я актриса.

– Мы можем договориться. Я не скажу никому ни слова. Но когда всё закончится, ты передашь Иванову, что я тебе помог и хочу работать с ним и с Хозяевами.

Белка засмеялась.

– Работать с Хозяевами? Ты шутишь?

– Просто передай. И это не всё...

Фрегат раздумывал, доводить ли начатое до конца, но теперь, когда Белка над ним откровенно посмеивалась, требовалось унижить её, наказать, заставить выполнять его приказы.

– Что я должна делать? – она с опаской поглядела на сталкера.

– Чтобы я не сдал тебя Инквизитору и Монголу – двум маньякам-социопатам? – Фрегат осклабился. – Для начала разденься.

Белка испуганно вскочила с лавки и начала пятиться, пока не уткнулась спиной в дощатую стену полуразвалившейся беседки.

– Не выкобенивайся, – спокойно и надменно продолжал сталкер, – оба получим удовольствие. А ты можешь считать, что это ради дела. Живее, пока нас не хватились.

Девушка принялась расстёгивать куртку, руки не слушались. Сталкер тем временем снял с плеча автомат, положил на траву и шагнул к ней.

– А ты думала, дурёха... Это Зона, тут свои законы.

Позже, сидя на крыше дома и крутя в руках оставленную мной сигарету, Фрегат думал о произошедшем между ним и спасённой девицей. Грязный, потный, с заросшей мордой, он вряд ли был ей симпатичен. Первая женщина за полгода. Но все предыдущие были проститутками из бара, а Белка...

– Ты – мразь, – донеслось из слухового окна.

Белка, лёгкая и стремительная, прошла по крыше и села рядом с Фрегатом, свесив ноги.

– Не ожидал, что ты придёшь.

– Чтобы сказать, какая ты скотина...

– Огонёк есть? – словно не услышал её Фрегат. – Я тут сигаретку нашёл, хочу дымком подышать, а то от свежего воздуха мне как-то поплохело. И вообще, хватит ныть. Тебе ведь понравилось, не отрицай.

– Такое не может понравиться, – девушку трясло.

Она с минуту внимательно разглядывала своего обидчика, потом достала из кармана зажигалку и протянула было ему, но разжала пальцы, и пластиковое вместилище огня полетело в темноту.

– Хочешь меня убить? – поинтересовался Фрегат. – Тогда столкни с крыши. Правда, в этом случае тебя разоблачат, и не сможешь выполнить то, что поручено Ивановым. Давай-ка поступим разумно: мы доведём твоё дело до конца. Ведь цель – заманить сталкеров в ловушку, верно?

– Цель, близкая к этому.

– Значит, угадал... Мы теперь в одной лодке, дурёха. Мне нужен Иванов, а тебе – спокойное выполнение его задания. Поможем друг другу и разбежимся.

Фрегат извлёк из кармана спичечный коробок и потряс им перед Белкой:

– И помни, деточка, если я прошу огонька, это не значит, что у меня нет спичек.

* * *

Вика научилась плакать молча давным-давно. Она не рвала на себе волосы, не всхлипывала, лишь позволяла слезам течь из глаз, промывая душевные раны. Многое довелось пережить. Вечерами, закрывая глаза, девушка вспоминала двухкомнатную квартиру в центре Кирова. Лабиринтистую двушку её семья – мама и бабушка – делила с отцом и его новой семьёй, тремя приёмными и двумя своими детьми. Маленькая двухкомфорочная плита с застарелыми потёками жира, кричащие женщины и вечно плачущие карапузы. Они могли разъехаться, но обладание жилплощадью в центре города принималось как важнейшая цель. Самый терпеливый получал всё.

Когда отец напивался, он любил приходить к ней в комнату.

– А ну, брысь отсюда, бабы, – говорил он побледневшей бабушке и маме, тоже частенько выпивавшей. – Хочу с дочуркой поговорить.

И женщины покорно удалялись на кухню, помня крепость его кулаков. А отец садился на кровать рядом с Викой и начинал беседовать о своём далёком детстве...

Когда девочка подросла, начались приставания.

Адресованное бабушке и маме «А ну, брысь...» теперь означало, что девочку будут трогать там, где трогать нельзя.

– Только не перейди черту, пожалуйста, – жарко шептала мать, а Вика про себя думала: «Где ты видела черту? Защити меня от него! Пожалуйста, мама!»

В шестнадцать Вика ушла из дома и уехала в Москву. Этого оказалось достаточно, чтобы понять, что Киров, который она так стремилась покинуть, не хуже и не лучше прочих городов. Всюду есть хорошие и плохие люди. Ей попадались плохие, словно судьба расставила их вдоль жизненного пути девушки.

В безрадостном посёлке с названием Радостный, в восьмидесяти километрах от Зоны отчуждения, Вика очутилась по собственной глупости. Подружка, с которой они на пару снимали комнату у подслеповатой бабуси в Чертанове, сообщила, что ей предложили работу.

– Платят мало, – сказала подруга, – но там перспективы. Если пройду проверку особистов, позволят устроиться в Надеждинске. Может, поварихой на Рубеж попаду. Уж там деньги – так деньги.

И Вика рванула вместе с непутёвой соседкой по жилплощади. Работу не нашла, и через несколько дней подруга попросила ее уехать обратно.

– Ты прости, Вика, – надув губы, страдальчески выдала та. – Но у меня мужик появился, из военных, а комната маленькая... Сама понимаешь. Возвращайся в Москву, может, баба Катя ещё нашу комнату никому не сдала.

Но отступать Вика и не думала. На попутке она добралась до города Надеждинска и принялась искать работу там.

Разумеется, не нашла – город, разрастающийся и крепнущий на крови сталкеров и военных, редко вбирал в себя случайных людей. Врачи, учителя, слесари, инженеры были нужны, а девочка из Кирова без образования и с опытом работы в сигаретном киоске всякий раз оказывалась перед закрытыми дверями.

Первую ночь – благо, тянулось жаркое, душное лето – Вика провела в сквере возле одного из магазинов, вторую – привалившись к детскому грибку-песочнице. На третьи сутки безденежных мытарств девушку задержал патруль.

Правда, отвезли её вовсе не в комендатуру для разбирательства и не в здание управления Рубежа, а в неприметный частный дом на окраине. Она отчётливо помнила, как её посадили на жесткий стул в пустой комнате. Потом скрипнула дверь, вошел грузный мужик

лет шестидесяти в свитере крупной вязки и потёртых джинсах – руководитель всех военных сталкеров, тогда ещё полковник, Стеценко.

– Девушка из глубинки, без образования. Либо пойдёшь по рукам, либо снаркома-нишься, – сообщил полковник. – Но у меня есть для тебя одна работёнка...

Можно сказать, он свёл Вика с Ивановым. Поначалу Виктор использовал «подарок» Стеценко для мелких поручений – принеси-подай, потом начал привлекать к более серьёзным делам. Закрутился роман. И немудрено, ведь Виктор был практически идеальным мужчиной в её представлении – сильный, смелый, хитрый. Он служил таинственным Хозяевам, всемогущему тайному обществу, о котором даже ей не рассказывал.

После бурных ночей Вика прижималась к его груди, слушала, как колотится сердце в оболочке горячей плоти, и спрашивала:

– Кто такие Хозяева?

Но даже тогда, в минуты высочайшего блаженства, когда мужчина, как считала Вика, готов отдать женщине всё и обо всём рассказать, он молчал. Молчал так, словно боялся за себя и за неё.

Она мало понимала в происходящем. Виктор куда-то уезжал, приводил в квартиру странных людей, много разговаривал по телефону.

Девушка знала, что её мужчина – часть огромного механизма, который вот-вот сомнёт существующий миропорядок. И Виктор – главный винтик, без которого никак. Позже Вика узнала о проекте «Воин», секте «Ветер» и прочих «орудиях». Именно «орудиями» называл их Виктор.

– Все они лишь орудия, которые послужат нашей цели, – улыбаясь, сообщал он, и за этими словами чувствовалась непоколебимая уверенность.

Минувшей осенью что-то переломилось. Виктор звонил Хозяевам, кричал в трубку, а потом долго и горько плакал, закрывшись в ванной комнате.

– Нервы сдают, – говорил он Вике.

И вот в конце ноября Виктор просиял. Он вбежал в их уютное гнёздышко, квартиру на окраине Надеждинска, и скомандовал: «Собирайся!»

Они спустились во двор, молча сели в припаркованный у подъезда броневик с символикой военных сталкеров.

– С Викой вы знакомы, – быстро бросил Виктор человеку, сидящему на переднем сиденье рядом с водителем.

– Виделись, – хрипло отозвался тот, и Вика узнала в нём полковника Стеценко.

Машина, ревя мощным двигателем, вырвалась за пределы города и понеслась по трассе вдоль Рубежа. Бетонная махина стены мелькала по правую сторону от трассы, слева тянулся хвойный лес.

– Хозяева торопят, – вдруг прервал молчание Стеценко, – после бегства Журавлёва всё пошло наперекосяк. Рубежники провели чистки, и много наших ребят из числа военных сталкеров срезались.

– То есть план захвата Рубежа пошел псу под хвост? – раздраженно переспросил Виктор.

– А не надо было устраивать весь этот балаган в Надеждинске, – рявкнул Стеценко, – хватило ума... Ты разве не понимал, что после такого все спецслужбы будут рыскать в поисках внедрённых агентов Хозяев? Я и то чудом вывернулся.

– Был на допросе? – уже смягчаясь, спросил Виктор.

– Был... Крутили-вертели, спрашивали, почему на блокпостах фальшивых военсталкеров и тебя, дурака, пропустили. Отбрехался, свалил всё на местного особиста Сапунова и на его зама, Верещагина, мол, они недоглядели. Первый теперь в Матросской Тишине, второй, к нашей радости, в могиле.

– Что думаешь делать дальше?

Стеценко пожевал губами, потом глухо скомандовал водителю:

– Валера, останови.

Тот послушно прижался к обочине и заглушил двигатель броневика.

– Я мало что понимаю, – перегнувшись через спинку сиденья, выдохнул Стеценко. – Когда мы с тобой выстраивали эту систему, всё представлялось логичным. Вот мы, – он сжал правый кулак, показал Вике и Иванову, – а вот они, – второй кулак, – и мы их окружим, сожмём и раздавим. Для этого – военная компания, для этого – группировка «Легион» и секта «Ветер». Но осенью всё пошло через одно место...

– Сталкеры нас перехитрили, – согласился Виктор, – но теперь следы заметены, и можно двигаться дальше. Да, мы кое-какие позиции вынуждены будем отыгрывать вновь... Но главное, что ситуация по-прежнему под нашим контролем.

Стеценко крикнул:

– Я удивлён, почему Хозяева тебя не прикончили после всего, что произошло.

Виктор не ответил, хотя мог рассказать о многом... Минувшей осенью, узнав о предполагаемом местонахождении легендарной аномалии «Скорбящий Камень», он спланировал сложную многоходовку. Представился сотрудником Рубежа, прибывшим из Москвы для курирования спецоперации, нашел военных сталкеров, которые дошли бы до «Скорбящего Камня» и разведали маршрут. Причём выбрал он наиболее отчаянных. Судьба благоволила Виктору, и вскоре выяснилось, что он может разом отыскать легендарную аномалию, за доступ к которой Хозяева сулили золотые горы, и сталкера Максима Зверева, за голову которого сумма была назначена немногим меньше. Всё рухнуло в одночасье – наставник Иванова, профессор Кривошеев, проявил самостоятельность, и в итоге Зверев погиб, доступа к «Скорбящему Камню» получить не удалось. Виктор умел признавать свои поражения, и это была его крупнейшая неудача.

– Есть план выравнивания ситуации, – спокойно произнёс Виктор. – Мы можем одним махом расправиться со всеми ненавистными сталкерами – с Монголом, со Спамом, даже с дезертиром Журавлёвым.

Стеценко кивал, не перебивая. Наконец всем весом навалился на спинку сиденья и выпалил:

– Рассказывай.

Виктор, не торопясь, положил к себе на колени аккуратный кожаный дипломат, открыл крышку и извлёк на божий свет несколько машинописных листов.

– Ты выйдешь на связь со сталкерами. С кем именно, я сообщу. Скажешь, что руководство Рубежа решило уничтожить секту «Ветер», но действовать силами военсталкеров или солдат Рубежа не хочет, а потому ты предложишь им сделку... Они уничтожат «Ветер», а Рубеж амнистирует всех отличившихся. Сообщишь, что ведёшь борьбу с Хозяевами, и вы споётесь...

– Сталкеры не пойдут на контакт со мной. Я же априори их враг, даже если среди них бывшие военсталы.

– Всё продумано... Контактировать тебе предстоит со сталкером Инквизитором. Слышал о таком?

– Ушибленный на голову правильный герой... Конечно, слышал. Только он со мной разговаривать никогда не станет.

– Если знать, что сталкер Инк – это полковник Косарев, который считался погибшим со времени появления Зоны, ситуация несколько меняется... Согласен?

Стеценко удивлённо вскинулся:

– Лёня Косарев? Да он же мой старый знакомый...

Виктор улыбнулся. Довольно, словно слизавший сметану кот.

– Когда сталкеры согласятся... – продолжил он уверенно, – а они обязательно согласятся, сообщу им координаты, которые я тебе выдам. На этом твоя работа завершится.

– А что будет потом со сталкерами?

– Не всё ли тебе равно?

Стеценко распахнул дверцу, тяжело выбрался из броневи́ка.

– Не хочу быть соучастником убийства Лёни Косарева...

– Он – не самоцель. Косарева оставим в живых, когда начнётся второй этап. А будет он простым и действенным. Их встретит засада. Повяжем тех троих, кто всё знает, попытаем всё, что нужно. Как только они расскажут, где спрятали ключ к аномалии, всё завертится. Мы с артефактом-ключом двинемся к «Скорбящему Камню». Потом останется лишь ждать команды для начала масштабного наступления. Сил мы накопили достаточно.

Стеценко слушал речи Иванова с нарастающим ужасом.

– Не бойся, друг... – притворно заулыбался Виктор, – мы возьмём себе даже ракетную батарею, которую летом смонтировали возле Радостного.

– Это будет война? – похолодел от ужаса Стеценко.

– Да, Валера, – Иванов победно расхохотался. Теперь уже это был смех умалишённого. – Я сижу рядом с двумя Валериями... между тобой и водителем. Загадаю-ка я победить в этой аванюре.

– Только не забывайте, что Журавлёв – мой, – подал голос молчавший до этого момента водитель Валера.

– Я помню, помню, – отмахнулся Иванов.

А Вика была в полном восторге. Ей предстояло стать важной частью плана по захвату Монгола, Спама и Журавлёва. Справится – и мир пошатнётся.

Виктор рассказал девушке обо всём, что запланировал. Он ей доверял. Для начала войны Хозяевам нужна сила аномалии «Скорбящий Камень». Но когда «Камень» будет у них, начнётся страшное. Подготовленные бойцы проекта «Воин», сектанты «Ветра» и фанатики из «Легиона», обвешанные артефактами, захватят линию Рубежа, подвергнут излучению «Камня» всё население Надеждинска, и уже через сутки в руках у Иванова и его хозяев окажется целая армия, но главное – батарея ракет с ядерными боеголовками, смонтированная на секретном объекте в окрестностях посёлка Радостный. Их воткнули в глухом лесу, в ста километрах от границы Зоны, но и туда доберутся послушные воле Виктора люди. Ракеты нацелят на Москву, Вашингтон, Пекин. «Спящие агенты» есть повсюду. Они начнут отравлять водохранилища, взрывать здания – словом, будут сеять хаос, которым воспользуются Хозяева.

– Дух захватывает от перспектив, верно? – спросил Иванов у побледневшего Стеценко.

У Викихватило дух, потом вышибло весь воздух из лёгких... Произошедшее в гнилой беседке напугало её сильнее, чем тот рассказ Виктора...

Когда юная дурёха Белка только пришла в Зону, в лагерь на Пятихатках заявила группа ребят разного возраста. Кому-то было за тридцать или около того, а кто-то – совсем ребёнок, лет шестнадцати, не старше. С одним из парней у Вики, что называется, «проскочила искра», они целовались в полутёмной избе, когда в комнату влетели, грязно ругаясь, несколько сталкеров. Первого в Зоне приятеля Вики несколько раз как следует трянули, и оказалось, что он вместе с отморозками, кучкующимися в АТП «Труженик», заманил в Зону подростков, чтобы насиловать. Парня убили на её глазах, и Вика, которой следовало бы в ужасе визжать, лишь молча взирала на здоровенных, заросших детей, выволакивающих из дома бездыханное тело того, с кем Вика недавно целовалась. Тепло его губ осталось на коже девушки надолго.

Тогда она поняла, что такое Зона. Сделала для себя ёмкий и успокаивающий вывод: Зона – это твоя ненависть, обращённая на тебя же. Каждый, приходящий в аномальные земли, был очередной каплей ненависти в бушующем море. Кап-кап, вот и полнится море.

Фрегат казался ей нормальным. Когда группа Монгола клюнула на подброшенную Ивановым наживку, Вика быстро и цепко оценила каждого. Журавлёв, Хорёк, Спам, Грызун – все они были какими-то мутными, с дикими взглядами. Инквизитор и Монгол представились ей очень похожими, жестокими и беспринципными чудовищами, и лишь Фрегат, вечно острящий, показательно злобствующий, казался более человечным. Ошибалась. Впрочем, как всегда.

А Иванов тоже хорош! «Девочка, это твоё последнее задание», – говорил он. С такой холодностью и отчуждённостью говорил, что Вика всё поняла. Она была его орудием, разящим мечом, и пока меч требовался, была теплота во взгляде, в жестах, в словах. И вдруг – меч в ножны, в голосе холод.

Вика сидела на заснеженной траве неподалёку от двухэтажного корпуса детсада. Тридцать минут назад злой и грубый Фрегат пересёк черту. Девушка закрыла глаза, прислушалась к внутренним ощущениям, утёрла слёзы и двинулась к двухэтажке. У дверей её встретил Хорёк:

– Не ходи тут одна. Мутанты ночами выходят на охоту, – предостерёг он.

Вика лишь усмехнулась: один мутант уже есть – выродок Фрегат. Что он шептал ей на ухо, когда Вика замирала от боли и стыда? Что-то про Максима Зверева, в которого превращается и Фрегат.

«Ты никогда не станешь им», – прошептала она, но не со злостью, скорее сочувствующе. Виноват был не Фрегат, а Виктор Иванов, отправивший её в руки сталкерской братии. Но Иванову плевать.

Вика хотела стянуть автомат одного из сталкеров и бежать прочь от жуткого детсада, прочь от Виктора и его сектантов, прочь от Фрегата. Но отбросила эти мысли. Зимней ночью через заснеженный лес она ни за что не проберётся. В одиночку, во всяком случае.

Девушка прошла через вестибюль, поднялась на второй этаж, где в одной из комнат расположились сталкеры. Они уже раскатали спальные мешки и теперь, усевшись на них, о чём-то тихо переговаривались. Фрегата видно не было. В центре неотапливаемой комнаты парил над полом небольшой светящийся шарик, от которого волнами накатывало тепло, обволакивая людей.

– Хорошо придумано, – заметила Вика, – использовать «бетельгейз» для того, чтобы согреться.

Сталкеры обернулись на голос.

– Это Монгол придумал, – кивнул на татарина полноватый мужик лет сорока – Грызун, это Вика помнила точно. Иванов приносил ей фотографии и биографические справки о каждом из сталкеров, а Вика прилежно учила. Своего врага нужно было знать в лицо.

– Давняя практика, – отмахнулся Монгол, – мне вообще кажется, что все артефакты в Зоне служат для того, чтобы сталкеры могли выживать. Одни защищают от холода, другие восстанавливают повреждённые ткани, третьи ещё что-то делают.

– Чит-коды, – поддакнул Спам.

Этот, как помнила Вика, – программист. Изначально девушка определила его как «мутного», теперь же сменила характеристику. Спам был не «мутным». Он был «убогим». Такие ангелята со сливочной улыбкой – вечные подростки, никогда не становящиеся полноценными взрослыми мужчинами. Они не в силах пережить отрыв от пуповины детства. Вот и Спам... Легенда Зоны...

Сталкеры тем временем потеряли к ней всякий интерес и принялись обсуждать что-то своё.

– А кого ещё можно позвать? – спрашивал Монгол и сам же отвечал: – Знаю пару ребят толковых: Спрута, Юргенса... Грызун, помнишь Юргенса? Можно ли ему доверять?

«Леший» пожал плечами:

– Не знаю... У него странные друзья были в последнее время. Года три назад в Надеждинск приехали натовские военные. Трое. С ними мужичок лет пятидесяти. Худой, бледный. По-русски ни бельмеса, так ему Юргенс был вроде переводчика. Не поручусь, что он тогда с Хозяевами не спелся.

Я попытался вспомнить Юргенса, но не мог. Зато краем глаза заметил, как изменилась в лице Белка.

– Вика, ты его знаешь? – спросил я, пока девушка не собралась с мыслями. Внезапным и точным оказался вопрос. Губы Белки дрогнули.

– Я... – она глубоко вздохнула, сдерживая подкатывающие слёзы. – Я... знала. Раньше...

– Давай дальше, – повернулся я к сталкеру, – про мужичка ты рассказывал.

– А, ну вот, значит... – радостно вскинулся Грызун, довольный, что разговор перешел в нужную плоскость. Женские слёзы пугали его куда больше, чем мутанты. Как справиться с мимикримом, Грызун знал, как остановить девичью истерику – даже не представлял.

– Мне Юргенс и рассказывает... – заговорщически зашептал Грызун, и когда произнес имя прибалта, Белка замерла, будто парализованная. – Что этот мужик нанял его и нескольких других ребят, чтобы мы, ну, то есть, они – Юргенс с братией – дошли до «Скорбящего Камня» и принесли «слёзы камня», чтобы вылечить старика. Он, говорит, болен смертельно.

Грызун замолчал, что-то прикидывая в уме, наконец, продолжил рассказ:

– Хосе Руис его звали. Испанец, вроде.

– А в итоге что? Нашли они «слёзы камня»?

– Да ни хрена, – Грызун сплюнул, – ушли – и с концами. Наёмники там были знатные. Матео, Трупоед... Никто не вернулся. Испанца погрузили в машину и увезли.

Я молчал, переваривая услышанное. А вот Белка не утерпела. Поднялась на ноги, прошла через всю комнату. Красивая, гибкая, лёгкая.

– Что стало с Юргенсом? – спросила она дрожащим голосом.

– Да ничего... Уехал вместе с испанцем, – Грызун пожал плечами.

– А я знаю, где он сейчас, – сообщил возникший словно из ниоткуда Фрегат. Он не мог знать об отношениях Вики и прибалта, но наверняка уловил в голосе и поведении девушки интерес.

– Мы не о нём сейчас, – сказал, как отрезал, Монгол, которому уход от важной темы казался лишней тратой времени. – Мы о «Камне».

Вика вспыхнула:

– «Камень», «Камень»! Только и слышу про этот «Камень». У вас хоть что-то на уме, кроме куска гранита, есть вообще? Вы – люди или скотина тупая?

Фрегат присвистнул:

– Это ты загнула, бабёнка. Любовь, что ли, твоя – этот Юргенс?

– А если и любовь, то что?

– Да так, – Фрегат соорудил равнодушную мину. – Тебе же сказали, что свалил твой хахаль. Взаимности добиться – ой как непросто.

Вика замерла, напряжённая, в центре комнаты, губы её дрожали:

– Су-чё-ныш-ш-ш, – по-змеиному прошипела она и быстрым шагом покинула помещение.

Громко хлопнула дверь.

– Ладно, продолжим, – я покосился на Фрегата, блаженно улыбающегося своим мыслям. – Грызун, ты этого прибалта видел потом в Зоне?

– Не-а, – сталкер энергично замотал сальной гривой, – я его в Надеждинске видел. Он там какое-то время работал с Поляком. Это такой проводник, который...

Я лишь отмахнулся:

– Да знаю я... С ним кто только не работал. Даже Зверев.

– Это какой Зверев? Который людей у Барахолки потрошил?

– Ну, – Фрегат вскочил с кресла, глаза его хищно заблестели, – он дочурку Поляка оприходовал... Может, и прибалт её того, трахнул, в смысле.

Грызун зло сплюнул.

– Дурак ты, Фрегат. Как пацан пятнадцатилетний... Трахнул, оприходовал... Работал он у Поляка курьером. Частенько посылки доставлял в Москву. Он по документам Рубежа чист, как стёклышко, вот и мотался туда-сюда.

– А потом?

– Суп с котом и водка с перцем. Уехал он потом. Я-то в Надеждинске уже год как не появлялся, а после засветки на том блокпосту...

Мне вспомнились события минувшей осени, когда группа боевиков Иванова захватила один из блокпостов на линии Рубежа и устроила там бойню. Грызун и Инквизитор тогда влетели на территорию, вооруженные до зубов, на натовском броневике, чёрт-те где найденном, поливали из пулемётов направо и налево. Засветились на всех камерах видеонаблюдения.

– Ясно... – я задумчиво побарабанил костяшками пальцев о подоконник, – значит, Юргенс нам не помощник. Даже если бы мы были в нём уверены, его ещё найти нужно...

Фрегат принялся загибать пальцы:

– Юргенс – не помощник, он уехал. Сталкер Тарантул не помощник – он умер. Мне продолжать?

– Не стоит, я понял... Тогда остаются только те, кто сейчас в этой комнате, плюс Хорёк.

– Ага... Психованный татарин, «лешие», бывший вояка и баба. Команда мечты для того, чтобы помереть.

– Ещё вчера наш план казался тебе удачным.

– Вчера, – Фрегат присел на пол рядом с Монголом, словно не обращая на «психованного татарина» никакого внимания, и протянул к артефакту озябшие руки ладонями вперёд. – Вчера, братцы-сталкеры, было вчера. Тогда я не знал, что в этом лагере столько умалишенных сектантов. Могут и нас покрошить в темноте. Фактор неожиданности тут ни фига не фактор. Быдло-убийцы, которые Белку хотели ухлопать, не вернутся через несколько часов. Что будут сектанты делать тогда, я не знаю, может, сразу вышлют новую группу на поиски, поняв, что стряслось неладное, а может, подождут до утра. Мы – супермены, чтобы идти на них, зная, что нас ждут?

– Один мой знакомый, – я горько усмехнулся, – спрашивал, почему в Зоне так много бывших спецназовцев, десантников и прочих людей с военным прошлым. И сам же мне отвечал, что программисты, учителя и юристы погибают в первые же дни или пасутся у Рубежа. Иногда таким чудикам везёт, и они далеко забираются.

– И к чему ты это? – Фрегат прищурился.

– К тому, что все здесь имеют какой-никакой опыт. Хорёк – прекрасный следопыт и отменный снайпер, ты тоже стреляешь хорошо...

– Ага, найди того, кто лучше, и я тебе мороженку куплю.

Не слушая колких замечаний непризнанного гения пулевой стрельбы, я продолжал:

– ...мы можем и без поддержки попробовать. Да, сектантов там больше, чем планировали, но Фрегат прав – будем мешкать, и они подготовятся, а потом размажут нас на подходе. А так... мы ведь везучие. Вот Спам, например.

Сталкер поднял на меня печальный взгляд ослика Иа, потерявшего свой хвост.

– Некоторых персонажей как будто кто-то под задницу подпинает, чтобы посмотреть, как они себя поведут дальше, – хихикнул Фрегат.

– Ангелы-хранители, – парировал сталкер, поднял с расстеленного перед ним брезента пустой магазин и принялся снаряжать патронами. Щёлк-щёлк-щёлк...

– Или Зона, или Болотник. Или сталкерская удача... Неважно. Главное, мы можем их уделать. Если не сейчас, то когда? Тем более, Вика сказала, что у них есть заложники. А если эти твари решат проделывать с ними то же, что делали со Зверевым? Помните?

Все прекрасно помнили историю сталкера-полумутанта Максима Зверева, которого сектанты схватили и несколько недель пытали, промывали мозги, а в итоге заставили убить и растерзать своих друзей.

– Это главный аргумент, – взрезая разговор, хрипло выдал Монгол, – я всегда в таких случаях спрашиваю себя: а если бы там был мой Рамиль? И отвечаю: там чьи-то сыновья.

Сталкеры одобрительно закивали.

– Инк, что скажешь?

Инквизитор оглядел всех по очереди: грустного Спама, решительного Монгола, весельчака Фрегата, Грызуна и меня.

– Команда мечты, – усмехнулся он, – Мы шли сюда, чтобы уничтожить сектантов. Теперь нам известна их численность. Значит, нужно прямо сейчас собираться и выдвигаться к их лагерю. Возражения есть?

Все молчали.

– Возражений нет. – Инк взглянул на Монгола, который одобрительно кивнул. – Тогда – полчаса на сборы. Встречаемся в фойе корпуса.

Сталкеры принялись подниматься со своих мест, скручивать спальники. Мы и вправду шли уничтожить обезумевших сектантов, и отступить было нельзя.

Фрегат выскользнул из комнаты незаметно, скользнул вдоль стены, сбивая локтём штукатурку.

– Зачем ты их сейчас поднял? – перехватила его в коридоре Вика. – Хотели ведь утром идти!

– Они собирались подмогу вызывать. Или ты не поняла? У тебя ведь был план захватить их? Так вот тебе целое стадо баранов для захвата! Если бы их стало больше, сектанты бы надорвались. А так – в самый раз.

Вика одобрительно кивнула.

– Через тридцать минут выдвигаемся, дурёха, – улыбнулся Фрегат и вдруг щёлкнул зубами. – Посмотрим, кто кого разжуёт.

Девушка ушла, а сталкер остался стоять, прислонившись к стене и блаженно улыбаясь.

– А если она нас подставит под пули? – возникший рядом Монгол недобро посмотрел на Фрегата, и тот на мгновение растерялся, пытаясь понять, слышал ли легендарный сталкер их с Викой разговор. Наконец, решил, что не слышал, иначе бы уже переломал ему руки-ноги, а Вику отдал на съедение мутантам. Пару секунд поразмыслив, как выстраивать свою линию поведения, сталкер ответил не менее угрожающим взглядом.

– Это моя женщина, – проскрипел он, словно эшафот в момент казни.

На сей раз растерялся Монгол.

– Влюбился? – спросил он и вдруг просветлел.

– А если и так?

Сталкер хмыкнул:

– Но ты подумай на досуге, не слишком ли много совпадений.

Фрегат громко засопел, словно обиженный мальчишка, задел командира группы плечом и пошел вслед за Викой.

Хусаинов ещё с минуту смотрел ему вслед, потом буркнул себе под нос:

– Может, у вас что-нибудь и получится.

А Фрегат внутренне ликовал. Если Вика была никудышной актрисой, то он определённо обладал недюжинным талантом лицедейства.

* * *

Группа выдвинулась из детсада менее чем через час. Мрачные, сосредоточенные, сталкеры один за другим покидали гостеприимный корпус, на фронтоне которого значилось: «Дружить! Учиться! Играть!» Дружил со всеми сталкер Спам, учился у Монгола и Инка Александр Журавлёв, то есть я, а играли Фрегат и Белка. Как кошки с мышами.

Головным дозором шли Хорёк и Инквизитор. Сработавшаяся двойка. Двигались слаженно, и пока облачённый в лёгкую броню Хорёк шустро перемахивал через препятствия и крутил головой из стороны в сторону, Инк в экзоскелете тяжело шагал рядом, держа на сгибе правого локтя тяжёлый «Печенег», а в левой руке сжимая кажущийся детской игрушкой детектор аномалий. В конце колонны маячил Монгол. Угрюмый как сыч, он то и дело оборачивался, возвращался на несколько метров и проверял тропу. Впрочем, тропой путь группы можно было назвать лишь условно. Они шли по щиколотку в снегу по сохранившемуся с вечера следу. Вот справа смазанные следы – это бежала Вика, а левее два чётких, глубоких следа – это её преследователи. Оба сейчас лежали за забором детского сада, изрешеченные пулями и окоченевшие на холоде.

Если верить рассказам Вики, она бежала около часа. Удивительно, что не влетела ни в одну аномалию.

– Удивительно везучая девчонка, – буркнул в гарнитуру переговорника Инк, и его услышали все, кроме самой Вики.

Каждый при этом среагировал по-своему. Фрегат усмехнулся, я засомневался, а Монгол выдал очередную мудрость:

– Просто она бежала чуть быстрее смерти.

Сталкеры молчали.

Аккуратно прикрыв переговорник, Фрегат указал Белке на корявую сосну, мимо которой проходила группа:

– Вешки.

Девушка не стала оборачиваться. Она понимала, к чему клонит её насильник. Идущие в ловушку сталкеры могли в любой момент увидеть размещённые людьми Иванова вешки, по которым она так театрально бежала навстречу «спасителям». Но они ничего не увидели. Слишком велико было напряжение в ожидании кровавой развязки.

В полукилометре от лагеря секты Инквизитор подал знак остановиться.

Группа рассредоточилась, замерла.

– Кто-нибудь бывал в этих местах? – спросил Инк, и вопрос, продравшийся сквозь помехи, показался запоздалым.

– Знаю это место, – сообщил в переговорник Грызун, – был здесь до появления Зоны. Окраина посёлка Радостный, ну, старого посёлка... Здесь были продовольственные склады.

– С какой стороны лучше подойти? – нетерпеливо спросил Инк.

– Семь лет назад лучше было подойти со стороны парковки, но где тут парковка? Лучше выйти на опушку и осмотреться.

Так и решили. Меня и Хорька, как самых молодых и лёгких на подъём, отправили на разведку. На опушке леса мы залегли, разглядывая лагерь сектантов. Метрах в трёх от сплошной стены сосняка высилась бетонная стена, от которой и тянулись цепочки следов. Одна – прямо к стене, вторая забирала вправо. По верху стены шло три ряда колючей проволоки, на шипах которой болтался кусок камуфляжной ткани.

– Вот тут она и спрыгнула, – недоверчиво сообщил Хорёк.

– Думаешь, лжет?

Следопыт оглядел место, где девушка перебралась через стену.

– Всякое может быть... Она худенькая, могла и спрыгнуть. Но ощущение такое, что её на верёвке спустили, и затем Белка спокойно побежала по снегу.

– Пойдём по следу сектантов?

Сталкер согласно кивнул. Мы двинулись по снегу, которого на открытой местности оказалось на удивление много. Взяли почти по колено. Ветер настрогал знатные торосы, через которые нам предстояло пробиться.

– У неё была фора... – сообщил Хорёк. – Минут двадцать, пока они огибали территорию лагеря... Инк, ты слышишь?

– Да, слышу, – раздался в наушнике голос «лешего».

– Поднимай всех, пусть идут по нашему с Журой следу.

Дальше мы двигались молча. От места, где Белка перемахнула через стену, до угла огороженной территории было метров шестьсот. Стена изгибалась под прямым углом и уходила ещё метров на триста к воротам с будкой контрольно-пропускного пункта.

– Типичная промзона, – сообщил Хорёк, – только вот откуда у сектантов снегоходы?

Он указал на следы полозьев, уводившие от территории лагеря по снежной целине в ночную тьму. Я пожалел, что Монгол и Инк не видят того, что видели мы. Образ типичной секты, тупой и похожей на древнее племя, рушился. За воротами нас могла ждать тёплая встреча.

Подав мне знак оставаться на месте, Хорёк бесшумно подобрался к будке КПП, положил автомат на снег и выдернул из ножен не нож даже, а кинжал с узким и длинным лезвием.

– Дождись остальных, – попытался я вразумить сталкера, но он уже заглядывал в небольшое оконце. Затем так же бесшумно подошел к воротам и вдруг закатился в зазор между створками и укрытой снегом землёй.

– Инк, быстрее, – поторопил я лидера «леших», а сам двинулся к воротам.

Правая створка оказалась криво и неумело сваренной из обрезков листовой стали, и просвет внизу был достаточен для того, чтобы малогабаритный Хорёк пролез под неё. Мне в тёплом камуфляже, да ещё с рюкзаком, и попробовать было нечего.

– Это Хорёк, тут чисто, – вдруг зашелестел в переговорнике голос следопыта, – вижу несколько дозорных костров. Готовьтесь работать в помещении.

А потом недоразвитая створка ворот отворилась, и Хорёк жестом поманил меня внутрь.

– Ты обалдел? – раздраженно выпалил я, вручая сталкеру его автомат.

– Извини, – пожал он плечами, – просто не хотел, чтобы первым входил дилетант вроде Фрегата.

– Это кто тут дилетант? – вклинился в разговор сталкер, а спустя пару минут аккуратно вошел на территорию. Следом – Спам и Грызун.

– Мужики, все меня слышат? – постукивая по гарнитуре, спросил Грызун.

Все поочерёдно подтвердили, что слышат.

– В общем, так... По левой стороне промзоны идёт асфальтовое полотно, по правой – пристройка для охраны и два складских корпуса. Подходы я знаю.

Теперь заговорил Инк:

– Так, внимание... рассредоточьтесь и ждите остальных. И без самостоятельности!

Мы с Хорёком послушно заняли позицию за грудой строительного мусора в углу. Отсюда были неплохо видны два озаряемых слабым лунным светом здания. Одно из них – циклопических размеров ангар, другое – одноэтажный длинный короб. Между корпусами горело несколько костров, возле которых были видны фигуры людей – часовые. Вот вам и лагерь секты. Я-то представлял, что нас будет ждать пара криво сколоченных бараков, а

здесь целый мини-город. Если Белка права и там вправду два десятка человек, то дело плохо. Штурмовать такую базу с ходу – безумие. И зачем я так рвался сюда из тёплой комнаты в заброшенном детсаду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.